

Отдай

МНЕ КОНТРОЛЬ

современный фемдом-роман

о **припадении, доверии, власти**
и мужчине, который впервые встретил

женщину, способную **поставить его на колени.**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения Горянская

Отдай мне контроль

<https://litres.ru/73993118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жанна давно живёт на пределе.

Трое детей, долги, работа без выходных и постоянная борьба за стабильность. Она привыкла рассчитывать только на себя и давно забыла, что такое быть слабой.

Влад привык всё контролировать.

Бизнес, дом, собственную жизнь. Его решения не оспаривают, его правила не нарушают.

Поэтому встреча с Жанной становится для него проблемой.

Она спорит с ним. Не боится его. Разрушает порядок, который он выстраивал годами, и заставляет чувствовать то, чего он привык избегать.

Теперь Жанна работает в его доме.

И чем больше времени они проводят рядом, тем очевиднее становится: настоящая власть не всегда принадлежит тому, кто выглядит сильнее.

Иногда достаточно одного человека, чтобы потерять контроль над всем, что казалось незыблемым.

Даже над собой.

«Отдай мне контроль» — современный фемдом-роман о притяжении, доверии, власти и мужчине, который впервые встретил женщину, способную поставить его на колени.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	51
Глава 4	77
Глава 5	101

Евгения Горянская

Отдай мне контроль

Глава 1

Глава 1. Опоздать, попасть под машину и разозлить миллионера.

Жанна.

— Нелли, прошу тебя в последний раз.

Я сложила руки в молитвенном жесте и опустилась на колени прямо посреди её кабинета.

— Жанночка...

Ненавижу, когда меня так называют. Но Нелли всегда это прощала. Она была единственным человеком, в голосе которого никогда не звучали ни жалость, ни фальшь.

«Щенячьи глазки» были моим любимым приёмом. Я пользовалась им столько, сколько себя помнила, и, что самое удивительное, он почти всегда работал. Особенно на людях с добрым сердцем, которые умели сочувствовать и не могли спокойно смотреть на чужие страдания. Нелли как раз относилась к таким.

Я опустилась ещё ниже. Думаю, сработало.

Она поправила очки и тяжело вздохнула.

Сдалась.

— Хорошо.

Внутри меня взорвался настоящий фейерверк. Я едва сдержалась, чтобы не завизжать от радости. Двадцать минут театральных страданий всё-таки принесли результат.

— Нелли, я тебя обожаю!

Я бросилась её обнимать, но она выставила ладонь прямо перед моим лицом.

— Стоп. Не спеши радоваться. Ты ещё не знаешь, что это за работа.

Она сделала короткую паузу, снова поправила очки и начала рыться в бумагах на столе.

Боже, как она вообще здесь что-то находила?

В кабинете Нелли царил настоящий апокалипсис. Будто сначала прошёлся смерч, а потом для верности вернулся ещё раз. И это кабинет главного менеджера клининговой компании.

Мой внутренний педант рыдал кровавыми слезами.

— Это дом нашего директора. «Его частный дом», — наконец сказала она, протягивая мне бланк. — Частный объект. Постоянная работа. И очень хорошие деньги. — Она опустила очки чуть ниже и посмотрела на меня поверх стёкол так, будто хотела убедиться, что я осознаю, во что ввязываюсь.

Я мгновенно выпрямилась и поспешно взяла бланк с требованиями.

— Насколько хорошие? — спросила я, не сводя глаз с её лица.

Нелли усмехнулась.

— Ох ты, лисица. Обожаю тебя за твою прямолинейность. Я быстро пробежалась глазами по списку обязанностей и задержалась на одном из пунктов.

— «Находиться в доме в заранее оговорённое время». То есть постоянного графика нет?

— Да, Жанна, есть такой нюанс, — она посмотрела с едва заметной усмешкой и продолжила: — Директор очень... специфичный человек.

Я фыркнула и закатила глаза.

— То есть мне придётся сливаться с мебелью, если мы случайно встретимся?

— Никаких случайностей, Жанна.

Боже, сколько пафоса.

Но потом я увидела сумму зарплаты. И в тот момент была готова стать хоть мебелью, хоть чёртовым напольным фикусом. Потому что долги сами себя не оплатят. Эту мысль я привычно затолкала поглубже.

Туда же, где уже лежали:

Тревога;

Бессонница;

Хроническая усталость;

И воспоминания о муже.

Прошло уже шесть лет. А я всё ещё жила так, будто мир

мог рухнуть в любую секунду.

— Жанна! Ты в порядке?

Голос Нелли вернул меня в реальность.

— А? Да, всё нормально.

— Хорошо. «Только не опозорь меня перед директором»,

— сказала она так, будто заранее предупреждала не делать глупостей.

— Никогда.

— Ты сейчас врёшь мне или пытаешься убедить саму себя?

— Скорее второе.

Нелли рассмеялась. И на одно короткое мгновение мне стало легче. Ровно на мгновение, потому что потом я посмотрела на часы.

13:32.

— Блядь! — вскрикнула я и резко вскочила так, что едва не опрокинула стул. — Мне конец. Вики скоро выйдет из школы.

— Ты вообще умеешь жить спокойно?

— Фу. Какая гадость.

Я вылетела из кабинета, на ходу натягивая куртку.

Бег.

Последние шесть лет моя жизнь состояла из бега.

Утром — работа.

Днём — дети.

Вечером — ещё работа.

Ночью — тревога.

Иногда мне казалось, что, если я остановлюсь хотя бы на минуту, просто рассыплюсь.

Поэтому я не останавливалась. Никогда.

До школы оставалось совсем немного, когда я поняла, что опаздываю.

Нет, только не это.

Сердце заколотилось быстрее. В груди привычно скрутилась тревога. В голове уже нёсся знакомый поток мыслей:

Вики будет стоять одна.

Она расстроится.

Подумает, что я забыла.

Я плохая мать, опять всё испортила.

Воздуха начало не хватать.

Твою же мать, только не сейчас.

Я выскочила на дорогу, даже не посмотрев по сторонам.

И услышала визг тормозов. Резкий гул с оглушающей силой приближался ко мне. Мир вокруг замер. Повернувшись на шум, я увидела чёрный внедорожник, который мчался прямо на меня, и инстинктивно зажмурилась.

Тормоза завизжали ещё громче, оглушая меня. Машина почти остановилась передо мной, но инерции хватило, чтобы угол машины толкнул меня в бок.

Ноги подкосились.

Асфальт больно встретил меня. Из груди выбило воздух, а перед глазами вспыхнули искры.

На несколько секунд в голове остался только белый шум.
Кто-то сразу схватил меня за плечо.

— Девушка, вы как?!

Я судорожно заморгала.

В глазах потемнело. Голову затянуло густым туманом, по телу разливалась ноющая боль.

Передо мной появилась женщина с испуганным лицом. Её губы двигались, она что-то говорила, но я не могла разобрать ни слова. Смотрела то ей в глаза, то на губы, пытаюсь понять сказанное, однако дикий звон в ушах заглушал всё вокруг.

Я резко вскочила на ноги и тут же почувствовала, как меня повело в сторону.

Ноги снова подкосились. В левый бок прострелила острая боль.

На полусогнутых ногах я огляделась по сторонам, пытаюсь понять, что именно произошло.

Сквозь чужие встревоженные возгласы я услышала: — Вам нельзя вставать!

— Мне можно всё, — процедила я сквозь зубы.

Где телефон?

Боже, только не телефон.

Оглядевшись, я увидела телефон на асфальте и толпу зрителей. Сделав шаг ближе, едва стоя на ногах, я подняла его — экран был предательски разбит.

— Да ёбаный ты в рот...

— Он летел как сумасшедший! Вы должны вызвать по-

лицию! — продолжала женщина. Её выкрики пробивались сквозь звон в ушах, и сознание начало постепенно проясняться.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но увидела, как из внедорожника выходит мужчина, и застыла.

Высокий, широкоплечий. Тёмное пальто сидело на нём безупречно, подчёркивая мощную фигуру. В каждом движении чувствовалась спокойствие.

Он шёл ко мне медленно и уверенно, будто весь мир расступался перед ним. Да ладно. Мы что, в кино? Я машинально оглянулась по сторонам. Время словно замедлилось. Наверное, я всё-таки ударила головой. Хотя мне казалось, что пострадала в основном левая сторона тела.

Он остановился рядом, и мне вдруг стало мучительно неловко за собственный растрёпанный вид. Несправедливо, что некоторые люди выглядят так хорошо безо всяких усилий.

Когда он снял очки, я на несколько секунд забыла, что вообще произошло. Карие. Почти чёрные. Из тех глаз, в которые лучше не смотреть слишком долго, если не хочешь потерять нить разговора. Он был красив той опасной мужской красотой, которая не бросается в глаза сразу, а затягивает постепенно. Тёмные волосы. Чёткая линия скул. Лицо будто вырезано из камня слишком талантливым скульптором. А глаза...

Он был из тех, на ком женщины невольно задерживают

взгляд дольше положенного, а потом делают вид, что ничего не произошло.

— Вы пострадали? — спросил он низким бархатным голосом.

Что у него с голосом?

Так не разговаривают люди. Так озвучивают трейлеры дорогих фильмов.

Я несколько раз моргнула. Жанна, соберись.

— Сколько сейчас времени? — вырвалось у меня, хотя вопрос прозвучал совершенно нелепо: после случившегося это было последним, о чём стоило спрашивать.

— Что? — мужчина удивлённо посмотрел на меня.

— Который час? — повторила я и отвернулась, стараясь не выглядеть слишком пристально разглядывающей его.

Он слегка нахмурился и взглянул на часы.

— 13:59.

Пиздец, я опоздала. Внутри всё оборвалось. Не говоря ни слова, я сорвалась с места.

— Подождите... — доносилось мне вслед.

Последние слова растворились в шуме улицы.

Не сегодня, красавчик.

Не сегодня.

— Ты опоздала, — Вики впилась в меня взглядом, скрепив руки, как миниатюрный, но крайне строгий начальник.

— Совсем на минуточку, — оправдывалась я.

— На две, — произнесла она и демонстративно постучала пальцем по часам.

— Боже, откуда ты такая душная в одиннадцать лет? — простила я.

— Из тебя, — протянула она, скривив рот в ехидной улыбке.

Я уже открыла рот, чтобы возмутиться, но тут же закрыла его.

— Справедливо, — я кивнула и наклонила голову набок. Быстро схватила рюкзак, закинула его на плечо и взяла её за руку.

— Бежим, — заявила я.

— Мы не успеем на автобус, — сказала она и остановилась, вцепившись подошвами в асфальт, будто отказываясь двигаться.

— Не говори ерунды, со мной ты успеешь куда угодно, — парировала я.

— Ага. Она тяжело, почти театрально вздохнула, но всё-таки двинулась вместе со мной.

Мы сорвались с места и побежали к остановке. Воздух резал лёгкие, асфальт глухо отдавался под шагами, но я не сбавляла темпа.

Чудом мы успели запрыгнуть в автобус за секунду до того, как двери закрылись. В этот момент я только рухнула на сиденье, и тогда поняла, что левый бок неприятно ноет — но на бегу я даже не замечала этой боли.

Адреналин после аварии медленно отступал, и тело с запозданием начинало осознавать последствия удара.

Но времени на это не было.

Потому что:

У Вики рисование;

Крис снова могла подраться в школе;

Ася скоро потребует деньги на сборы.

А мне ещё нужно было написать директору.

— Ну вот, — я победно сжала кулак. — Мы красавицы.

— С Асей мы бы не бежали, а спокойно дошли.

— Ну да, и где твоя Ася? — Фыркнула я. — Улетела спасать спортивное будущее страны.

— Она хотя бы не опаздывает, — прошептала она.

Я театрально схватила за сердце.

— Предатель в собственной семье.

Вики улыбнулась своей лучезарной улыбкой, и боль на мгновение отступила на второй план.

Маленькая победа.

Пока Вики рисовала, я сидела в кофейне напротив и пыталась не умереть от боли.

Телефон после замены экрана выглядел так, будто его склеивали молитвами и скотчем.

Минус пять тысяч. Великолепно, просто великолепно.

Я прочитала адрес и телефон директора на листе, который мне дала Нелли, и решила ему сейчас же написать, пока есть свободное время.

«Добрый день. Меня зовут Жанна. Я по поводу работы. Когда мы можем встретиться для уточнения деталей?»

Телефон завибрировал через минуту, пока я отхлёбывала кофе.

«Сегодня в 18:00».

И всё.

Ни «здравствуйте», ни «до свидания».

Ни «пожалуйста».

Ни «удобно ли вам?».

Странный какой-то.

Я не спеша допила кофе и немного позволила себе погрузиться в мысли о том, какой невоспитанный человек этот директор.

— Ну и манеры у вас, господин директор, — тихо пробормотала я себе под нос, будто он мог меня услышать.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз Ася.

«Ма, прости. Не могла прогулять тренировку, с меня ужин».

Конечно.

Плавание — это святое.

Я её понимала. Когда-то я так же цеплялась за работу, за мечту. До того, как жизнь с размаху впечатала меня в бетонный пол.

«Сегодня в 17:30 уезжаю на встречу.»

«Ок».

Милая девочка. Она понимает меня и по возможности всегда старается взять на себя часть забот после смерти отца. Иногда мне кажется, что несправедливо нагружать её такой ответственностью, но в то же время я думаю, что именно благодаря этим событиям у неё появилась цель в жизни, к которой она упорно идёт.

Я убрала телефон и попыталась встать, но не смогла.

Боль накрыла резко, перед глазами потемнело.

Воздух застрял в лёгких.

— Божечки... — простонала я, хватаясь за левый бок.

Левое бедро будто прижигали раскалённым металлом.

Вот теперь тело окончательно вспомнило про случившуюся аварию.

Я вышла из кофейни и почти сразу поняла, что нормально идти уже не смогу.

Левую ногу тянуло, но времени на страдания не было.

Потому что взрослые тётки с детьми не могут себе этого позволить.

Мы сначала всё решаем, а потом уже умираем. По расписанию.

Дома я буквально упала на кровать.

— Ма, ты чего? — Ася заглянула в комнату.

— Всё нормально, — ответила я, держась рукой за болевой бок, будто это могло унять боль.

— Ты выглядишь так, как будто тебя сбил грузовик, — заметила она.

Я отвернулась в подушку.

— Всего лишь внедорожник, - пропищала я уткнувшись в подушку лицом.

Тишина.

— ЧТО?! — выкрикнула Ася так громко, что я подняла голову с подушки и посмотрела на неё полуживым взглядом.

— Я жива, — промолвила я, снова опуская голову на подушку и краем глаза замечая её ошеломлённый взгляд, скользнувший по моему телу, будто она пыталась просканировать меня в поисках травм.

Через секунду в комнату влетела Крис, а за ней Вики.

— Тебя сбила машина?! – выкрикнула Крис. — Где? Кто?

— Когда? – простионала Вики.

— Ты была в больнице? — продолжала восклицать Крис, глядя на меня. Она подошла к кровати, села и начала ощупывать меня, словно проверяя на наличие травм. — Ма, ты нормальная вообще?

Поняв, что я не реагирую на её прикосновения и не вздрагиваю от боли, она встала с кровати и отошла ближе к Вики.

Высокая, лохматая, в огромной чёрной толстовке, Крис была так похожа на своего отца.

Походкой, и манерой общения

— Выпью обезболивающее перед выходом.

— Перед каким выходом? – фыркнула Крис.

— На встречу с работодателем, — протянула я, высвобождая из-под себя покрывало и укрываясь им.

Крис присвистнула.

— После ДТП? Вот это капитализм, — она демонстративно закатила глаза и скрестила руки на груди.

— Так, тихо! — я подняла руку. — Меня слегка задело.

— Что значит «слегка»?! с усмешкой сказала Крис.

— Ну... не на смерть же. — изрекла я.

Крис посмотрела на меня как на идиотку.

Ася села рядом на край кровати, осторожно, чтобы не задеть меня.

— Тебе нужно в травмпункт, — спокойно сказала она, мягко поглаживая мои ноги.

— Мне нужно на собеседование, — бросила я, впившись в них строгим взглядом.

Все трое посмотрели на меня ошарашенно.

— Ты больная, — резюмировала Крис.

— Это наследственное, не переживай, эта черта до тебя тоже скоро доберётся, — хмыкнула я.

— Это не смешно, — пробормотала она, посмотрев на меня таким укоризненным взглядом, что мне на мгновение стало не по себе.

— А я и не шучу, — протянула я с саркастической усмешкой.

Несмотря на боль, я улыбнулась.

Вот за это я и держалась все эти годы — за них.

Даже когда хотелось лечь и исчезнуть.

И сейчас, глядя на их лица, я понимала, что не имею права

развалиться окончательно. Не сегодня. Не при них.

— Всё, хватит драмы, — выдохнула я тише, чем хотела.

— Я просто полежу пять минут.

— Пять минут, — тут же подозрительно повторила Крис.

— Да. Пять. Максимум десять.

Ася молча поправила мне покрывало, будто ставила точку в разговоре, а Крис ещё какое-то время стояла рядом, наблюдая так, словно ожидала, что я встану и снова куда-то побегу.

Но я не встала.

Боль медленно отступала, превращаясь в тупое, вязкое ощущение где-то под рёбрами. Комната становилась тише. Голоса — глуше.

Я закрыла глаза, чувствуя, как тело наконец перестаёт спорить со мной и сдаётся усталости.

Последнее, что я услышала, был тихий шёпот Крис:

— Она реально уснула?

И это прозвучало уже очень далеко.

Я не успела ответить.

Сон накрыл меня резко, без предупреждения — как провал в темноту, из которой уже не нужно было выбираться.

Сквозь темноту я услышала голос.

— Ма...

Кто-то тряс меня за плечо. С трудом открыв глаза, я увидела Вики.

— Ты опаздываешь.

Телефон. Время 17:31.

Блядь.

Я резко села — и тут же пожалела об этом. Боль прострелила весь левый бок.

— Боже... — простонала я.

— Ма, ты как? — тихо спросила Вики, в голосе слышалась жалость.

— Всё нормально, — сообщила я ей, поднимаясь с кровати и потрепав её по голове.

Даже сейчас я на автомате повторила это слово.

Я схватила телефон и вызвала такси.

— Ася, будь хорошей девочкой, принеси обезболивающее.

— Уже несу.

Я поплелась в ванную и быстро привела себя в порядок: умылась, почистила зубы, расчесала волосы и выпила таблетки.

Всё. Я готова.

— Если умрёшь, я тебя убью, — возмутилась Крис.

— Какая трогательная забота, — с лёгкой усмешкой я хлопала её по плечу.

— Ма, я тебя люблю! — крикнула Вики из комнаты.

— Малыш, и я тебя.

Я вылетела из дома, хлопнув дверью так, что стены отозвались глухим эхом. Позади щёлкнул замок, отрезая разговоры и голоса.

На улице воздух ударил в лицо прохладой. Я на секунду остановилась, стиснув зубы, чтобы переждать очередную волну боли, и только потом дошла до машины.

Такси уже стояло у подъезда. Я открыла дверь и почти рухнула на заднее сиденье.

— Куда едем? — спросил водитель.

Я назвала адрес и откинулась на спинку, закрыв глаза.

Машина тронулась, и город поплыл мимо, размытый, глухой, как будто не совсем реальный.

К дому директора я приехала ровно в 17:59.

И, конечно же, район выглядел так, будто здесь живут люди, которые покупают дома не потому, что они им нужны, а потому что могут.

Я вышла из такси и подняла взгляд на дом.

Большой и серый. С панорамными окнами, через которые можно было бы наблюдать чужую жизнь... если бы она здесь вообще была.

Красиво и дорого и до раздражающего пусто.

Не уютно пусто — а так, будто дом не жил, а демонстрировал своё существование. Как витрина. Как декорация.

Я прошла через открытые ворота и сразу заметила внедорожник.

Чёрный «Гелик».

Я замерла.

Да ладно. Я на мгновение напряглась, будто внутри что-

то натянулось тонкой струной, а затем уголки губ всё же дрогнули — едва заметно, почти против воли, складываясь в улыбку, нет в усмешку.

Не может быть.

Хотя. Может!

— Ну конечно, — пробормотала я себе под нос. — Потому что вселенная ненавидит меня персонально.

Я снова посмотрела на дом. Он стоял неподвижный, холодный и идеальный.

Убрав за ухо выбившуюся прядь, я одёрнула пуховик и медленно направилась к двери.

Я остановилась перед дверью, всё ещё сомневаясь, стоит ли стучать, когда она вдруг открылась сама.

И я сразу пожалела, что пришла. Жар мгновенно ударил в лицо, и я почувствовала, как щёки предательски вспыхнули.

Потому что это был он. Тот самый.

Тёмные волосы, и взгляд — тягучий, томный, словно замедляющий время.

И снова это ощущение, будто воздух становится тяжелее, плотнее, как перед грозой.

Он тоже меня узнал. Я увидела это по глазам. Хотя внешне ничего не изменилось.

— Здравсьте, — выпалила я быстрее, чем успела подумать, и зачем-то кивнула.

Боже...

Убейте меня.

— Проходите, — он кивнул в сторону двери, приглашая войти.

И всё?

Ни удивления.

Ни улыбки.

Ничего.

Просто «проходите».

Робот или человек, который давно решил, что эмоции — это лишняя мебель в доме.

Стараясь не хромать, я зашла внутрь и сразу остановилась, дожидаясь, пока он закроет за нами дверь. Когда щёлкнул замок, я сделала шаг в сторону, пропуская его вперёд.

Всё-таки потеряться в этом доме мне хотелось меньше, чем показывать, что я понятия не имею, куда идти. Поэтому я просто пристроилась следом.

И дом сразу сменил тональность.

Снаружи он казался просто дорогим.

Внутри — почти стерильным.

Здесь не было ощущения жизни. Только выверенная геометрия пространства.

Ни фотографий.

Ни случайных вещей.

Ни следов того, что здесь кто-то задерживается дольше, чем на необходимость.

Будто этот дом не принимал людей — он их временно размещал.

Я поймала себя на странной мысли: если бы тишина имела форму, она выглядела бы именно так.

Мы прошли мимо огромной гостиной. Тёмный диван. Камин, который выглядел так, будто им никогда не пользовались. Кухня размером с мою квартиру — и такая же безжизненная.

— Извините, — не выдержала я. — А вы вообще пользуетесь кухней?

Он даже не обернулся.

— Иногда.

— А, ну отлично. А то я уже подумала, что вы питаетесь душами сотрудников.

Тишина.

Конечно. Здесь даже шутки, кажется, терялись в пространстве.

— Так, а куда мы идём? Надеюсь, не в игровую комнату? — попыталась я разрядить ситуацию.

— В мой кабинет. - Мы остановились у двери. Он открыл её и, слегка отступив в сторону, пропустил меня вперёд.

Я вошла и снова почувствовала это — давление пространства и человека, который его заполнял.

Мне снова пришлось смотреть на него снизу вверх.

Блядь. Как можно быть таким огромным?

Кабинет выглядел как продолжение дома — и одновременно как его центр.

Книги. Ровные линии. Холодный, выверенный порядок.

Здесь даже воздух казался структурированным.

И почему-то именно это больше всего нервировало. Не он. А то, насколько он идеально сюда подходил.

— Присаживайтесь, — изрёк он, показывая на кресло у стола. Я села, а он продолжил стоять. Было почти осязаемо — давление, словно сверху нависла невидимая сила

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, чуть прищурившись, затем спокойно прошёл и сел за стол.

Я моргнула.

— Что? — выдохнула я, не выдержав его взгляда и опустив глаза.

— После аварии? — спросил он, слегка наклонив голову и словно пытаюсь поймать мой взгляд.

А, вот оно что. Я, подняла голову и уставилась на него — прямо в глаза, не моргая. Он всё-таки человек. Просто из тех, у кого человеческое проявляется по минимуму и по расписанию.

— Нормально, — сказала я, не отводя взгляда и слегка прищурившись, проверяя, поверит ли он.

— Уверены? — спросил он, и в голосе прозвучало явное недоверие.

Нет. Но это не его дело.

— Абсолютно, — произнесла я, не моргнув, всё ещё удерживая ложь в голосе.

Он смотрел слишком внимательно, слишком спокойно — как будто собирал меня по деталям, не торопясь делать вы-

вод.

— Хорошо, — ровно произнёс он. — Боюсь, вы мне не подходите.

Я застыла.

— Что, извините? — тихо переспросила я, наклонив голову набок и чуть подавшись вперёд, будто пытаюсь уловить, не шутит ли он.

— Мне нужен человек внимательный, организованный и спокойный, — продолжил он так, словно обсуждал погоду, а не мою судьбу.

О нет.

— Это из-за аварии? — процедила я.

— Да, — произнёс он сухо и сложил руки на стол, переплетя пальцы.

— То есть вы сейчас серьёзно? — выдохнула я, широко распахнув глаза от нахлынувшей злости.

— Абсолютно, — коротко бросил он.

— Вы сбили меня, — парировала я.

— Я вас задел. Вы выбежали на дорогу, не посмотрев по сторонам, — добавил он с тем самым непонятным выражением, будто это был укор.

— Какая удобная формулировка.

— Более точная.

— Подождите... вы сейчас меня виноватой делаете? — повысила я голос.

— Я делаю выводы, — продолжил всё в том же спокойным

ВИДОМ.

— Вы меня видите в первый раз. — изрекла я, скрестив руки на груди.

— И этого достаточно, — произнёс он, скользнув взглядом по моим рукам и едва заметно усмехнувшись.

Меня накрыло.

— Да что вы вообще можете понять обо мне за пять минут?! — вскрикнула я, вскочив с кресла и упершись руками в стол.

— Я не люблю хаос, — спокойно произнёс он.

Хаос?

Я снова почти машинально посмотрела на этот кабинет, на этот дом, на этот выверенный до стерильности мир.

Как будто здесь не живут, а поддерживают состояние идеального порядка любой ценой.

— Знаете что, я тоже. — отрезала я, схватила сумку и пошла к выходу.

Прочь из этого места, где даже стены, казалось, не позволяли ошибаться.

Я слышала, как он пошёл за мной. Молча.

И перед глазами снова всплыла Нелли.

«Только не опозорь меня перед директором».

Блядь.

Если я сейчас сорвусь — это может ударить по ней. Нужно просто уйти. Молча и спокойно, как нормальный здоровый человек.

Я взялась за ручку двери.

И тогда я услышала его спокойный голос:

— Компенсацию за ущерб вам переведут.

Меня словно подбросило от злости, и я резко развернулась.

— И да, между прочим, вас не учили элементарным правилам этикета? Здороваться, например?

Он остановился напротив меня — слишком близко.

Я даже не успела нормально отступить, как он уже перекрыл собой половину пространства, и это почему-то раздражало ещё сильнее.

Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Чёрт.

Он действительно был слишком высоким для этой ситуации. Слишком спокойным для того, что только что произошло.

И самое неприятное — он не выглядел ни задетым, ни раздражённым.

Как будто это был не конфликт, а просто рабочий эпизод, который он уже мысленно закрыл.

— Что? — ровным голосом спросил он.

— То! Вы ни разу нормально не поздоровались. Ни разу! — голос прозвучал неожиданно громко, эхом ударившись о стены. На мгновение я сама опешила от того, насколько громко это получилось.

Он молчал. Не моргнул, не отступил, не повысил голос. Просто смотрел — так, будто моя вспышка была не конфликтом, а статистикой.

И от этого становилось только хуже: внутри вспыхивало чувство, которое я уже не могла потушить.

— Я вообще-то старше вас, — вырвалось у меня.

Тишина на секунду стала плотнее.

Боже, зачем я это сказала.

— И манеры у вас отвратительные, — продолжила я уже быстрее, будто если остановлюсь, провалюсь. — И машину вы водите неаккуратно. И ответственность за нарушения не берёте. Там вообще-то была пешеходная зона, и скорость — двадцать километров в час. А вы ехали так, будто... будто вам всё позволено. Холодный, надменный, как будто люди вокруг — это просто часть фона.

Он чуть наклонил голову.

Слушал слишком внимательно. Без эмоций. И именно это выводило из себя сильнее всего.

— Закончили? — спокойно спросил он.

— Да вы издеваетесь? — выкрикнула я, почти срываясь на хрип.

— Нет, — произнёс он ровно.

— Не закончила, — я шагнула ближе и ткнула его пальцем в грудь. В такую твёрдую, как камень, от которого палец почти отскочил. — Вы сделали вывод обо мне за пять минут! Решили, что я хаос? Да вы вообще ни черта обо мне

не знаете!

Тишина повисла, между нами. Тяжёлая. Почти осязаемая. Я тяжело дышала, чувствуя, как злость смешивается с болью в боку и какой-то глупой, иррациональной обидой. Он стоял неподвижно. И от этого казалось, что это не я здесь громкая, а он просто позволяет мне звучать.

— Всего доброго, Жанна, — произнёс он наконец и открыл дверь.

Как приговор. Спокойный и окончательный.

Урод.

Я вылетела наружу, почти задыхаясь от напряжения. Холодный воздух ударил в лицо, но не остудил. Только сейчас тело напомнило о себе по-настоящему — левый бок тянуло сильнее, нога отзывалась тупой болью. Я остановилась на крыльце, на секунду прикрыв глаза.

— Отлично... просто отлично, — прошептала я. — Собеседование мечты.

Я спустилась по ступеням, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в теле.

За воротами вызвала такси, пальцы едва слушались.

Телефон чуть не выскользнул из рук.

— Да что за день такой...

Я обернулась.

Дом стоял всё таким же идеальным. Холодным и недостижимым.

И внутри этого идеального порядка теперь явно не было

места мне.

— «Я не люблю хаос», — тихо повторила я, передразнивая его.

И впервые за весь день не нашла, что ответить.

Я стояла у ворот ещё несколько секунд, пока телефон искал машину.

Экран тускло подсвечивал карту, стрелка медленно приближалась.

Слишком медленно.

Я стиснула зубы, чувствуя, как боль в левом боку снова всплывает волной — тупой, настойчивой, как напоминание, которое невозможно игнорировать.

Отлично. Просто отлично.

Сначала авария. Потом сломанный телефон. Потом этот... кабинет с человеком, у которого вместо эмоций — бетон.

И теперь я. На улице. С ощущением, что меня аккуратно, но уверенно вычеркнули из чьего-то идеально выстроенного мира.

Я усмехнулась. Криво. Безрадостно.

— Хаос, значит...

Смешно.

Я всегда думала, что хаос — это когда всё рушится одновременно. Когда ничего не держится. Когда люди не успевают дышать.

Но здесь, перед этим домом, я впервые подумала, что хаос

может выглядеть иначе.

Не как беспорядок.

А как человек, которого просто не вписывают в чужую систему координат.

Подъехала машина такси, тормозя у обочины.

Я открыла дверь и почти рухнула на сиденье.

Дом. Дети. Жизнь, которая не ждёт, пока ты разберёшься в себе или в двухметровых мужчинах с каменными лицами.

Машина тронулась. Я откинулась на спинку и закрыла глаза.

И впервые за день позволила себе не держаться.

Только на секунду.

Потому что уже через несколько минут нужно было снова быть собранной.

Мамой.

Человеком, который не имеет права развалиться.

Дом встретил меня шумом.

— Ма, ты пришла?

— Ага, приползла, — я скинула кроссовки и бросила сумку на комод.

Квартира была тесной, живой и тёплой. С разбросанными школьными рюкзаками у входа, магнитами на холодильнике, списками дел на дверце и кружками, которые никогда не доходили до раковины вовремя. Но в этом было что-то устойчивое, как фундамент, который не сдаётся, даже если

всё вокруг трещит.

— Ма, давай помогу, — Ася уже стягивала с меня куртку. Она всегда была аккуратной. Слишком взрослой для своих лет. Из тех детей, которые не просто помогают — они заранее понимали, где именно ты сейчас развалишься.

Крис, наоборот, прошла мимо с телефоном в руках и буркнула что-то вроде:

— Ты опять героически умирала по дороге домой?

Вот они. Мои дети.

Разные до раздражения и до любви одновременно.

Я прошла в кухню и буквально рухнула на стул.

Вики уже сидела за столом и что-то увлечённо рассказывала, размахивая вилкой, как микрофоном. Крис ела молча, изредка бросая короткие комментарии. Ася аккуратно раскладывала еду по тарелкам, следя, чтобы у всех было одинаково.

— У меня сегодня на рисовании сказали, что я лучше всех рисую портреты, — гордо сообщила Вики.

— Это потому, что ты рисуешь людей с глазами как у мультяшек, — фыркнула Крис, не отрываясь от тарелки.

— Это стиль такой! Ты вообще ничего не понимаешь в искусстве, у тебя только дзюдо и как кого-нибудь по голове стукнуть, — возмутилась Вики, размахивая вилкой в сторону Крис.

— В дзюдо не стучат по голове. А вот тебе сейчас настучу, — Крис замахнулась и легко, будто в шутку, щёлкнула её по

голове.

Я хотела вмешаться, но вместо этого просто смотрела на них.

И в какой-то момент шум перестал раздражать. Он стал фоном. Я откинулась на спинку стула и впервые за день позволила себе просто слушать.

И в этой обычной, немного хаотичной кухне вдруг пришло странное ощущение спокойствия. Такого, которое не купишь, не выстроишь и не распишешь по пунктам.

Шесть лет назад всё было иначе.

Я вспомнила тот период почти без образов — только ощущениями: резкие звонки, пустота в квартире, документы, которые сыпались из рук, бессонные ночи и ощущение, что мир не просто треснул, а разлетелся на куски, которые невозможно было собрать.

Тогда это и был хаос.

Настоящий.

Я не успела тогда. Не смогла удержать всё сразу.

И потом училась заново.

Медленно;

По спискам;

По режимам;

По планам на день;

По привычке не забывать дышать;

И сейчас... я уже была не тем человеком.

Я стала самой собранной версией себя. Человеком, кото-

рый держался на расписаниях, списках и контроле.

А он назвал меня хаосом.

Я тихо усмехнулась, опуская взгляд в тарелку.

Нет.

Хаос — это было тогда.

А сейчас я — порядок, который научился выживать.

Мы доели ужин почти в обычном ритме. Крис первой встала из-за стола, забрала тарелки и молча отнесла их в раковину. Ася сразу подключилась к ней — привычно, без просьб, будто это уже давно было распределено, между нами.

— Я сама уберу, — попыталась вставить я, поднимаясь со стула.

— Нет, — коротко отрезала Крис, даже не оборачиваясь.

— У тебя травма. Ложись.

— Это просто ушиб...

— Ложись, — повторила она уже тише, но так, что спорить не хотелось.

Ася бросила на меня быстрый взгляд и чуть кивнула, подтверждая молчаливый союз.

Я сдалась.

— Хорошо, командиры, — пробормотала я и медленно ушла в комнату.

Тело отозвалось сразу — болью, усталостью, тяжестью, которая весь день держалась на адреналине и наконец-то отпустила.

Я почти не заметила, как провалилась в сон.

Темнота накрыла быстро, без сопротивления.

Телефон снова завибрировал где-то рядом ночью.

Сначала я не хотела открывать глаза, даже не хотела шевелиться. Было редкое, хрупкое желание просто остаться в этом состоянии — тёплом, выключенном, где ничего не требует решений.

Сообщение могло подождать.

Наверное, это банк. Или школьный чат. Или очередное уведомление, которое я всё равно не смогу изменить посреди ночи.

Я перевернулась на другой бок, уткнулась в подушку и попыталась снова провалиться в сон.

Вибрация повторилась. Раздражающая, настойчивая. Я тяжело выдохнула.

Рука сама потянулась к телефону. Глаза ещё толком не открывались.

Я уже почти была готова проигнорировать, снова отложить, не влезать.

Что-то или кто-то никогда не ждёт до утра.

С усилием я открыла глаза и посмотрела на экран и моргнула. Свет бил слишком резко, разрывая темноту, будто вытаскивал меня из сна за шиворот.

Я застыла.

Несколько секунд просто лежала, не двигаясь, глядя в экран так, будто он должен был сам объяснить, что это ошибка.

Директор.

«Вы приступаете к своим обязанностям завтра в 10:00.»

И ниже:

«Вы всё ещё хаос.»

Я медленно выдохнула.

Тишина в комнате стала плотнее, почти вязкой.

— Что, блядь? — вырвалось у меня почти беззвучно.

Глава 2

Глава 2. Сбой не устранён.

Влад.

Телефон светился в темноте.

«Вы всё ещё хаос».

Я смотрел на экран, не сразу отключая его. Несколько секунд он просто лежал в моей руке, как лишний источник света в комнате, где и так не было покоя.

В голове мелькнул её образ, и я отстранился от него, как от случайной мысли, которой не место.

Ярко-красные волосы, светлая кожа, зелёные глаза. Небрежные пряди, будто она не старалась выглядеть идеально и в этом было что-то слишком живое, слишком настоящее.

В её внешности не было холодной, выверенной резкости.

Пухлые губы, на которых взгляд задерживался дольше, чем следовало.

И глаза. Внимательные и слишком прямые. Словно она смотрела не просто на меня, а сквозь привычные границы, которые я обычно не позволял пересекать.

Я прикрыл глаза.

В памяти всплыла сцена у двери.

Её покрасневшиеся щёки, сбитое дыхание.

— И манеры у вас отвратительные!

Любой другой на её месте уже начал бы оправдываться.

Люди рядом со мной обычно быстро становились тише — не потому, что я повышал голос, а потому что в этом не было необходимости. Достаточно было взгляда.

Я умел добиваться тишины.

Но Жанна не вписалась в привычный порядок.

Она не отступила, не снизила тон и не попыталась сгладить столкновение.

Она спорила, злилась, тыкала пальцем и делала это так, будто не учитывала существование последствий.

И именно это выбило меня из привычного состояния равновесия.

Не её слова и не тон. А короткое внутреннее смещение — едва заметное, но достаточное, чтобы оно зафиксировалось. Странное, неприятно чужое.

Мысль, которая возникла и так же быстро была подавлена: не необходимость остановить её, а... отсутствие привычного желания — это сделать.

Я открыл глаза.

Нет. Этого не происходило.

Подобные реакции не были частью моей логики.

Темнота комнаты вернула к реальности.

Я взял телефон и набрал сообщение — скорее чтобы закрыть этот внутренний шум, чем из реального намерения.

«Встретимся?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Ок».

Я выдохнул ровно и коротко. Поднялся, оделся без спешки, как обычно. Движения были привычными, выверенными, возвращающими ощущение контроля.

Спустился вниз, взял ключи от машины и вышел.

Прохладный воздух снаружи помог зафиксировать выражение лица — спокойное, собранное, без лишних эмоций.

В машине стало тише.

Я позволил себе расслабить плечи, но не мысли. Они оставались структурированными, под контролем, как всегда.

Работа, обязательства, привычные решения — всё это быстро заняло место постороннего шума.

Ирэн была удобным продолжением этой логики: предсказуемая, не требующая внутренней перестройки.

И этого было достаточно.

В гостиничном номере, который я давно снимал для подобных встреч, стояла привычная, выверенная тишина. Я ждал.

Стук в дверь прозвучал ровно, без лишней спешки.

Я открыл.

Тёмные волнистые волосы Ирэн мягкими прядями спадали почти до талии, подчёркивая тонкую шею и изящные плечи. Миндалевидные ореховые глаза с золотистым отблеском смотрели спокойно и внимательно. Она прислонилась плечом к дверному проёму, ладонь легла на бедро — уверенно, грациозно, так, будто она заранее знала, какое впечатление производит.

В ней не было показной вульгарности только тихая, уверенная сексуальность, от которой в теле автоматически поднималось привычное напряжение.

— Здравствуй, милый, — протянула она мягко, почти мурлыкающе.

— Проходи, — коротко ответил я.

— Ты сама любезность, милый. «Спасибо», — с лёгкой усмешкой произнесла она и прошла мимо, нарочито плавно качнув бёдрами, словно проверяя границы моего контроля.

Она сняла искусственную шубу и небрежно бросила её на диван, затем повернулась ко мне. Взгляд удержала дольше обычного, не торопясь, внимательно, будто фиксируя результат своей же игры.

Её цель всегда была очевидна. Сегодня тем более.

Обычно всё начиналось с алкоголя и разговоров, которые Ирэн любила растягивать перед близостью. Но сегодня мне не хотелось ритуалов. Мне нужно было быстрее добраться до ощущения, которое давало привычное отключение лишних

мыслей.

Я подошёл ближе и резко взял её за руку, притянув к себе.

Она чуть удивлённо вскинула взгляд.

— Милый, ты сегодня нетерпелив, — спокойно заметила она.

— Сегодня без разговоров, — отрезал я.

Её пальцы скользнули по бретелькам платья. Одно движение и ткань уже опустилась на пол.

Она оказалась ближе, чем воздух позволял. Слишком близко.

Я провёл тыльной стороной ладони по её щеке — медленно, почти изучающе. Затем резко сжал подбородок, фиксируя её взгляд на себе, и поцеловал.

Поцелуй вышел жёстким, требовательным таким, в котором я пытался утопить лишние мысли, вытеснить всё, что не поддавалось контролю.

Но даже в этом контроле появлялась странная внутренняя трещина, короткое, раздражающее ощущение, будто часть меня всё ещё оставалась вне происходящего.

Её дыхание сбилось, когда моя рука скользнула по её шее. Она отвечала без сопротивления, полностью входя в ритм, подстраиваясь под давление моих движений.

Я резко сжал её волосы на затылке и чуть оттянул голову назад. Она замерла на секунду, глотая воздух.

Я смотрел на неё пристально, и внутри всё ещё оставалось глухое, фоновое напряжение — не связанное с ней, но упря-

мо не уходящее.

— Ты уже выбрала себе подарок? — спросил я низко, почти ровно.

После наших встреч она часто отправляла ссылки на украшения, и я их покупал. Это всегда выглядело для меня проще, чем любая форма объяснений: понятный обмен, в котором не было лишнего смысла.

Ирэн чуть выдохнула и улыбнулась — тонко, уверенно, с едва заметной игрой.

— О, милый. Я уже выбрала подарок. Но это не просто подарок... это то, что я давно хотела.

Я прищурился, ощущая, как внутри на секунду усилилось напряжение.

— Тогда покажешь, насколько сильно хочешь это заслужить, — спокойно произнёс я, выпуская её волосы из пальцев.

Ирэн опустилась на колени без колебаний. Её движения были спокойными, уверенными, почти демонстративно осознанными. Ладони скользнули по моим бёдрам, её взгляд не отпускал мой ни на секунду.

В её глазах вспыхнуло голодное, тёмное желание — яркое и открытое.

И в этот момент я почувствовал только одно — ровное, уверенное желание. Тело реагировало привычно и правильно, без лишних мыслей и сомнений. Всё остальное перестало иметь значение. Стоя на коленях передо мной, Ирэн мед-

ленно провела языком по губам. От этого жеста внизу живота тут же пробежалось знакомое напряжение. Я приспустил брюки, а она потянула вниз боксеры, освобождая мой возбуждённый член. Ирэн обхватила его рукой. В её ладони ощущалась его твёрдость, а по напряжённым мышцам пробежалась заметная пульсация. Ирэн сглотнула и коснулась его губами, задержавшись лишь на кончике. Её язык медленно скользнул по чувствительной коже, заставляя меня невольно напрячься от нахлынувших ощущений. Ирэн двигалась медленно и осторожно, постепенно привыкая к его размеру. Её губы скользили вверх-вниз по нескольким сантиметрам длины, а внимание вновь и вновь возвращалось к самой чувствительной части. Она не спешила, позволяя себе привыкнуть к нему. Проведя языком по гладкой чувствительной коже, она задержалась на самом кончике, осторожно касаясь места, где выступали капли предэякулятной жидкости.

Хриплый стон сорвался с моих губ. Намотав её волосы на руку, я взял контроль на себя, задавая ритм её движениям. Там, где она не могла дотянуться губами, её ладонь продолжала ласкать, двигаясь в такт каждому моему движению.

— Вот так, — негромко произнёс я. — Именно так.

Она продвинулась дальше, стараясь справиться с моим членом заглатывая его глубже себе в рот. На мгновение её дыхание сбилось, но она быстро взяла себя в руки и продолжила дальше.

— Сука, — зашипел я. — Продолжай, давай глубже.

Я отпустил её волосы, позволяя ей действовать свободнее.

Она продолжила заглатывать мой член пока не коснулась губами до моей кожи вокруг него, проглотив его полностью. Я застонал от охренительного удовольствия. Несколько мгновений она оставалась неподвижной, а затем снова продолжила, уверенно и ритмично сосать его, обхватив ту часть члена рукой, которая не вошла ей в рот двигая в такт своим движениям головы и лаская языком мой головку.

— Засунь руку в трусы и ласкай себя, — приказал я.

В ту секунду как Ирэн сунула руку и начала гладить себя, она резко изменилась в движениях, позволяя чувствам взять верх. Это сразу отразилось на нас обоих — напряжение стало глубже, плотнее, почти невыносимым.

Она тихо застонала и подняла на меня взгляд снизу вверх. Я наблюдал за ней, за тем, как её состояние меняется в каждом движении — как взгляд становится то более ясным, то теряет фокус, выдавая нарастающее напряжение от возбуждения.

— Кончишь? — сказал я, посмотрев на неё сверху вниз.

— Я хочу, чтобы ты кончила.

Я снова взял её за волосы на макушке, фиксируя движение её погружения ртом моего члена. Сильнее протолкнул его ей в горло, пока не почувствовал, как она застонала и начала задыхаться. Я начал быстрее двигать, задавая более резкий ритм, наслаждение разливалось по моему телу.

Ирэн тихо застонала, и я понял, что момент достигает своего предела. Я резко прервал происходящее и отстранил её, раздался негромкий влажный щелчок, она обхватила мой член и начала двигать рукой смотря мне прямо в глаза. Её грудь вздымалась верх-вниз, а рукой продолжала себя ласкать. Этот неповторимый её вид меня заставил застонать, как она была возбуждена и как она себя доводила до оргазма продолжая дрочить мне и себе. Её туманный взгляд, полуопущенные веки всё это побудило меня ещё больше желать её.

— Продолжай, — прошептал я. — Ты близко?

Она подчинилась и кивнула головой смотря на меня широко открытыми глазами и открытым ртом откуда доносилось тяжелое дыхание и стоны.

Я засунул ей член обратно в рот и подвигал им. И тут оргазм обрушился на нее, точно удар, она замычала с членом во рту, обхватывая его то сильнее, то слабее губами. Волны удовольствия пронеслись по моему телу, и я готов был кончить. Мой член пульсировал. Я был на грани потери самообладания. Сердце билось словно собиралось выпрыгнуть из груди, каждый толчок погружался всё глубже и глубже ей в рот. Она тяжело дышала, я опустил взгляд и увидел, как мой член исчезает у неё во рту.

— Ну же, глубже, — выпалил я.

Я начал двигаться, быстрее вгоняя член жесткими глубокими движениями ей в рот. И наконец мне стало невыноси-

мо терпеть, дрожа от острого удовольствия я стоял перед ней и каждый раз, когда она заглатывала член всё глубже и глубже, по моему телу прокатывался ток удовольствия заставляя меня стонать. Тело содрогнулось, а перед глазами всё помутнело - я кончил. Кончил ей в рот с давленным стоном. Ирэн продолжала сосать член еще несколько секунд, пока вся сперма не вышла. Тело дернулось от напряжения и сразу обмякло. Я вытащил член из неё и провёл по губам размазывая сперму. Ирэн демонстративно проглотила сперму и улыбнувшись подмигнула мне. Её улыбка стала шире, Она поднялась на ноги и слегка пошатнулась. Я сразу подхватил её, удержав от падения. Она притянулась ближе и поцеловала меня.

07:00.

Глаза открылись раньше будильника, как и всегда.

Я молча сел на кровати и провёл рукой по лицу. В комнате стояла тишина.

Поднялся, надел спортивные штаны и вышел из спальни.

Тренажёрный зал находился на первом этаже. Свет включился автоматически, стоило мне подойти к беговой дорожке.

Движение быстро выжгло остатки сна. Тело работало привычно и чётко, без единой лишней мысли.

Но на короткое мгновение в этой привычной пустоте

всплыло вчерашнее — обрывки ночи с Ирэн. Я не задержался на этом. Мысль была зафиксирована и отпущена, как лишний шум.

Именно за это я и любил тренировки, они отключали всё ненужное.

После дорожки я перешёл к силовой нагрузке. Металл звенел в тишине дома. Мышцы постепенно начинали гореть, но в этом ощущалась правильная ясность. Так легче было удерживать голову пустой.

Затем был бассейн. Холодная вода мгновенно привела тело в тонус. Я плыл ровно и спокойно, считая движения, будто выстраивая внутри себя порядок.

После бассейна я принял душ. Горячая вода стекала по плечам. Я стоял несколько минут неподвижно, упираясь ладонью в кафель, позволяя телу окончательно прийти в равновесие.

Потом выключил воду и вышел.

На кухне уже работала кофемашина.

Свежий кофе, смузи и планшет с расписанием дня.

Я сел за кухонный островок и открыл документы по проекту жилого комплекса.

Совещание было назначено на 10:30.

Проблемы с подрядчиками, новые сметы, согласование материалов, всё это уже ожидало меня в документах.

Я допил кофе, поднялся в спальню и переоделся. Надел часы и уже собирался выйти, когда телефон снова завибри-

ровал.

Сообщение от службы безопасности:

«Новый сотрудник клининга. Доступ подтвердить?»

Я несколько секунд смотрел на экран, затем нажал:

«Подтвердить».

Следом пришло ещё одно сообщение:

«Временный код доступа отправлен сотруднику».

Хорошо.

Я спустился вниз, взял ключи от машины и вышел из дома.

На улице было прохладно.

Я сел в машину, завёл двигатель.

Телефон снова завибрировал. Сообщение от Нелли:

«Жанна приедет к десяти. Инструкцию выслала».

Я коротко ответил:

«Попробуйте ей объяснить значение слова “невидимая”».

И убрал телефон.

И только в этот момент я поймал себя на мысли — я уехал раньше специально.

Чтобы не встретиться с ней.

Если бы на её месте был любой другой человек, я бы спо-

койно остался ещё на час:

позавтракал, просмотрел документы, провёл бы звонок из кабинета.

Но в тот день я уехал раньше.

Осознание пришло резко, почти неприятно ясно.

Какого чёрта?

Я что, избегал встречи?

Эта мысль показалась настолько абсурдной, что внутри сразу поднялось раздражение. Я никогда никого не избегал. Тем более уборщицу.

Да, я не любил чужое присутствие в доме. Клининг всегда работал по моим правилам: сотрудники находились в доме только в строго определённые часы и не пересекались со мной без необходимости. Простая, чёткая система, которая годами не давала сбоев.

Раньше я не задумывался о подобных деталях.

Но в тот день я выехал из дома на час раньше.

Потому что там должна была быть Жанна.

Эта мысль раздражала ещё сильнее, чем сам факт.

Через несколько секунд машина уже выехала за ворота.

Глава 3

Глава 3.

Жанна.

Сначала мне казалось странным, что за несколько недель работы в доме я ни разу не столкнулась с директором. Но потом я поняла, что это даже к лучшему — честно говоря, я не горела желанием встречаться с ним снова.

Во-первых, у меня всё ещё оставалось странное ощущение, будто, работая здесь, я получаю не столько работу, сколько одолжение. Как будто после того, как он изначально не хотел меня брать, моё присутствие здесь стало чем-то вроде исключения из правила.

Во-вторых, видеть его холодное, сдержанное выражение лица мне и так не хотелось, а особенно сейчас, когда и без того всё вокруг становилось холоднее с каждым ноябрьским днём.

Дом действительно большой, жилой, человек здесь точно бывает, но его самого будто не существует. Только следы.

Я работаю здесь так же, как привыкла работать в других местах: спокойно, по своему ритму, не привязываясь к чужому графику. Тем более здесь графика как такового нет. Иногда Нелли пишет утром, иногда ближе к обеду, иногда вообще вечером: сегодня можно приехать позже, сегодня только бассейн, сегодня ничего срочного.

Всю информацию передаёт она. Что убрать, на что обратить внимание, когда лучше приехать. Контакта с директором у меня нет вообще, мы виделись только один раз, и этот один раз до сих пор почему-то не отпускает.

Иногда я ловила себя на том, что вспоминаю ту встречу не по делу, а как случайный сдвиг внутри памяти: короткий взгляд, слишком уверенное молчание, ощущение человека, который не стремится объяснять себя. И каждый раз я тут же отгоняла это как нечто лишнее, не относящееся к работе.

За эти недели я привыкла: нет машины — нет хозяина.

Внутри этого дома время будто вообще не меняется. Странное ощущение.

У меня дома шумно. Не хаотично — нет. Я всё-таки люблю порядок и стараюсь его поддерживать. Но у нас всегда есть жизнь: вещи лежат не идеально, где-то детская кружка, где-то плед, где-то недочитанная книга. Уют не бывает стерильным.

А здесь...

Этот дом как будто ничего не чувствует.

Красивый, дорогой и совершенно без эмоций.

Иногда мне кажется, если убрать отсюда всю мебель, то почти ничего не изменится.

На кухне я бываю редко. Она почти всегда идеальна. Даже если хозяин готовит сам, а по некоторым мелочам это видно, после него не остаётся ощущения, что здесь кто-то ел. Всё вымыто, поверхности чистые, вещи лежат ровно там, где

должны лежать.

Спальня тоже почти не требует уборки.

Кровать всегда заправлена.

Не просто наспех поправлена, аккуратно как в отеле.

Иногда я только прохожусь тряпкой по поверхностям и всё.

Основная работа происходит совсем в других местах.

В спортзале, в бассейне и сауне.

И это единственные места в доме, где становилось видно — здесь живой человек.

Полотенце, оставленное на полу, или бутылка воды.

Следы босых ног на плитке.

Мокрые разводы возле бассейна.

Иногда ощущение такое, будто человек специально оставляет это всё как доказательство своего существования в этом холодном месте.

Я поднялась на второй этаж с чистыми полотенцами, уже успела пройти спортзал, открыть окна, собрать полотенца у бассейна и только сейчас решила занести чистые в хозяйскую ванну.

Я толкнула дверь ванной спиной, не глядя.

Обернулась и сразу же замерла.

Он стоял ко мне спиной.

Тёмные мокрые волосы касались шеи. Капли воды медленно стекали вниз по линии позвоночника, задерживались на коже и исчезали ниже. От влажной кожи шёл едва замет-

ный блеск, подчёркивающий рельеф спины.

Накачанный, сильный, широкие плечи, спокойная уверенная осанка, напряжение мышц в самых обычных движениях.

Я почему-то заметила это слишком подробно. И тут же разозлилась на себя за это.

Всё происходило секунды две, не больше. Но взгляд предательски задержался на его подтянутых ягодиц просто потому, что мозг не успел перестроиться от мысли «в доме никого нет» к реальному человеку передо мной.

Он обернулся.

Медленно и без спешки. И в этот момент всё внутри меня на секунду сбилось.

Мой взгляд машинально опустился вниз, сначала на накачанный пресс, потом на линию Адониса, затем уже на его член. Жар мгновенно поднялся к лицу, обжёг шею, даже уши. Я почувствовала, как предательски начинаю краснеть, и от этого стало только хуже. Господи, я никогда не попадала в такие ситуации. Не стояла посреди чужой ванной пялясь на чей-то инструмент между ног, при чём внушительного размера, и не понимая почему у меня в голове вообще появлялись мысли о его пенисе, и как теперь мне выйти так, будто ничего не произошло.

А самым выбивающим из равновесия было даже не то, что он голый. А то, что он вообще не выглядел смущённым.

Я резко отвела взгляд, в другую сторону, успев увидеть его

лицо, ещё влажное, спокойное, без раздражения или суеты.

Несколько секунд мы просто молчали.

Первым заговорил он:

— Ну, это я точно не записывал в своё расписание, — усмехнулся он.

— Ну, вот это я точно не планировала видеть, — сама не понимая зачем, я открыто обвела его взглядом — слишком спокойно для человека, которому секунду назад хотелось провалиться сквозь землю.

И уже собралась выйти.

Он вдруг сказал:

— Обычно люди стучат.

Я посмотрела на него.

— Обычно в доме никого нет.

Пауза.

И потом добавила:

— Буду учитывать. Извините.

Он посмотрел на полотенца у меня в руках и спокойно сказал:

— Оставьте. Раз уж принесли.

Я замерла.

На секунду стало совсем неловко. Положить их где-то рядом казалось почему-то ещё страннее, чем просто уйти.

— А... да. Конечно.

Я подошла ближе настолько, насколько было необходимо. Не поднимая взгляд выше его плеч. Сосредоточилась только

на полотенцах, будто это была очень сложная задача.

Протянула их ему неуверенно.

Он перевёл взгляд на мои руки и просто взял стопку.

Пальцы случайно соприкоснулись буквально на мгновение, ничего особенного, обычное движение. Но я почему-то сразу отдернула руку обратно слишком быстро.

Он это, кажется, заметил. Потому что уголок его губ едва заметно дрогнул — в улыбке.

Я коротко кивнула, развернулась и вышла почти сразу.

Дверь закрылась за моей спиной негромко, но этот звук почему-то прозвучал слишком отчётливо. Я осталась стоять снаружи. Не пошла дальше. Просто на секунду прислонилась лопатками к прохладной поверхности двери и закрыла глаза.

Глубокий вдох.

Потом ещё один.

Боже.

Я медленно выдохнула и открыла глаза, уставившись куда-то перед собой. Сердце билось быстрее, чем должно было после обычного рабочего дня и совершенно обычной неловой ситуации.

Ничего не произошло. Вообще ничего.

Я случайно зашла. Увидела хозяина дома. Извинилась. Вышла. Конец истории.

Тогда почему ощущение было такое, будто я только что сделала что-то запрещённое?

Я провела ладонью по лицу и тихо усмехнулась самой се-

бе.

Жанна, соберись. Это просто мужчина. Просто работа. Просто очень неудачно зашла не в ту дверь.

И всё равно почему-то ещё несколько секунд стояла на месте, прежде чем заставила себя оттолкнуться от двери и пойти дальше.

Через десять минут я увидела его на кухне.

Он пил кофе так, будто ничего не произошло стоя чуть в стороне от кухни, опираясь на стол рукой. Его лицо оставалось собранным, ни следа неловкости или напряжения, которое ещё витало во мне. Только холодная сосредоточенность, с которой он, казалось, воспринимал всё вокруг. Он сделал ещё один глоток кофе, медленно, без спешки, и поставил кружку обратно на стол с тихим звуком. И только после этого он чуть сдвинул взгляд в мою сторону — почти формально, не придавая этому никакого значения.

Я поставила ведро на пол, неловко прижала руку к локтю и смущённо прошептала.

— Ещё раз извините. Нелли не предупредила, что вы дома.

— Машина на обслуживании, сейчас жду её. Такси не мой вариант.

Я кивнула. И уже в следующий момент в голову, почти против воли, закралась мысль: почему именно не вариант? Принцип? Привычка всё контролировать? Или простое нежелание доверять свою жизнь чужому водителю.

В этот момент телефон завибрировал.

Лара.

«Ты идёшь вечером. И без отказов. Там нормальные мужики».

Я усмехнулась.

— Господи, Лара...—пробубнила я и усмехнулась.

— Что смешного? — Уточнил он.

Я подняла голову.

— Подруга зовёт меня на... мероприятие.

— Звучит угрожающе.

— Скорее как попытка устроить мне личную жизнь.

Директор посмотрел мне в глаза с неуловимым отблеском, смысл которого я не смогла понять.

— Не смею задерживать.

Я не сразу отреагировала и посмотрела на него с явным непониманием.

Он продолжил спокойно:

— Заканчивайте, пожалуйста, пораньше. Не хотелось бы быть причиной опоздания на поиски личной жизни.

Никакой улыбки, это было сказано ровно.

Но настолько по-детски колко, что я вдруг вспомнила выражение лица Вики, когда та обижалась и делала вид, что ей всё равно.

— Благодарю, — съязвила я.

И ушла, будто ничего не произошло. Только почему-то внутри стало не по себе. Это ощущение держалось, цепляясь

за мысли, которые я пыталась отогнать.

Парковка у дома была залита мягким солнечным светом. Около двенадцати воздух уже прогрелся настолько, насколько это вообще было возможно для ноября.

Я вышла на ходу поправляя сумку на плече. Дверь за мной закрылась с глухим щелчком. Я сделала несколько шагов, и в этот момент из ворот на парковку плавно въехала машина.

Чёрный внедорожник неспешно подкатил и остановился точно передо мной.

Тот самый внедорожник, который однажды едва не стал причиной моей гибели. И водитель, из-за которого до сих пор внутри поднимается странное, выматывающее напряжение. Я до конца не понимала, что с ним не так и почему он вообще продолжает занимать столько места в моих мыслях. Дверь открылась, и из неё не спеша вышел молодой человек, который, не дав мне толком его рассмотреть, тут же затараторил.

— Доброе утро, — сказал молодой человек и чуть улыбнулся. — Приятно познакомиться. Я Алекс, помощник Владислава Андреевича.

Пауза была короткой.

— Я о вас много слышал.

Я на секунду замерла.

— От кого? — вырвалось у меня быстрее, чем я успела отфильтровать тон.

В глазах Алекса мелькнуло лёгкое удивление, затем он от-

ветил спокойно:

— От Нелли. Она о вас очень много рассказывала. Говорила, что вы... очень собранная. Целеустремлённая. И хорошо держите рабочий темп.

Я едва заметно выдохнула. Внутри на долю секунды проскочило раздражённое облегчение — не то, что бы я автоматически себе нарисовала.

«Я уже подумала... что это он обо мне говорил», — мелькнуло в голове.

Отгнав мысль, не развивая её дальше.

Алекс тем временем продолжил.

— Я, кстати, привёз автомобиль, — добавил он чуть проще, почти по-юношески. — Директор вчера на ТО отдавал, я забрал.

Он произнёс это так, будто объяснял очевидное, но сам факт выглядел лишним — как деталь, которую никто не просил озвучивать.

Я посмотрела на него чуть внимательнее. Алекс оказался симпатичным молодым парнем лет двадцати пяти, светловолосым и в какой-то мере напоминающим золотистого ретривера, таким же живым, открытым и доброжелательно-беспечным. В нём чувствовалась лёгкая, почти щенячья энергичность и мягкость характера.

Ростом он был чуть ниже директора и заметно легче по телосложению — килограммов на пятнадцать, если не больше.

— Вы вообще... всегда всё так подробно объясняете? — спокойно уточнила.

Алекс на секунду замер, а потом коротко засмеялся без неловкости, скорее с самокритичной лёгкостью.

— Иногда перегибаю. Работа с Владиславом Андреевичем этому способствует.

Он чуть пожал плечами, всё ещё улыбаясь.

Я ответила короткой, почти невольной улыбкой.

И именно в этот момент мой взгляд ушёл в сторону дома.

Я обернулась — почти машинально и мой взгляд остановился на окне на верхнем этаже, где стоял директор.

Он не двигался.

И когда я подняла взгляд, наши глаза встретились через стекло.

Лицо директора было странным, не нейтральным и не привычно холодным, а застывшим в выражении, где напряжение не скрывалось и не объяснялось. Он смотрел прямо на меня, игнорируя всё остальное, включая Алекса рядом с машиной.

Я сразу отвернулась.

Домой я возвращалась как обычно.

Автобус, ещё немного пешком.

Дома было тихо, дети ещё не вернулись.

Я сняла куртку, переоделась и пошла на кухню.

Поставила на плиту сковородку и принялась готовить еду, затем загрузила стирку, быстро разобрала вещи, протерла

пол.

Удивительно, но после чужого дома убирать свой мне было легче. Здесь хотя бы живут.

Через час нужно было идти в соседнее офисное здание, обычная подработка. Ничего интересного: помыть полы, протереть пару поверхностей и домой.

Я быстро собралась и ушла.

В офисе, как обычно, было тихо. На ресепшене дежурил охранник, который уже в третий раз за смену пытался разогреть чай и каждый раз забывал про него, уходя проверять камеры. В какой-то момент он даже пожаловался мне, что «эти чайники живут своей жизнью», и сам же над этим усмехнулся.

Пара сотрудников задержалась в коридоре — обсуждали начальство.

Я закончила уборку быстро: протёрла столы, прошлась по полу, проверила санузел. Работа здесь всегда была одинаковой без сюрпризов, и в этом был её главный плюс: никаких обнажённых мужчин в ванной.

Когда я вышла, уже начинало темнеть, и офис, наконец, окончательно затих, будто вместе с людьми выключили и его собственный голос.

Когда я открыла дверь, дома было шумно.

Крис что-то рассказывала младшей из комнаты, кто-то смеялся, кто-то спорил.

Я только улыбнулась.

— Мам, есть что по есть?

Я закатила глаза.

— Нет, конечно. Я весь день сидела и ждала вашего возвращения.

Крис выглянула из комнаты.

— То есть всё-таки есть?

— Есть.

Минут через пятнадцать мы уже сидели на кухне и ужинали.

Я машинально взяла телефон.

Там было одиннадцать сообщений от Лары.

Я открыла чат.

«Ты идёшь».

«Не придумывай отмазки».

«Я уже сказала, что ты будешь».

«Он симпатичный».

«У него есть работа».

«Жанна, это уже редкость».

Я усмехнулась.

Крис сразу заметила.

— Что? – фыркнула она.

— Лара опять пытается затащить меня в клуб.

Она отложила вилку.

— О. – протянула и закатила глаза, подумала секунду, и выдала.

— Опять формат «я нашла нормального мужика, только

у него почему-то есть друг»?

Я не выдержала и засмеялась.

— В точку.

Она кивнула серьёзно.

— Сходи.

Я посмотрела на неё.

— Это ещё зачем?

Она пожала плечами.

— Ну а что. Вдруг там реально нормальный человек.

Потом сделала паузу и добавила:

— Если что — пароль для вызова помощи пришлешь одним сообщением.

Я усмехнулась.

— Каким?

Она невозмутимо пожала плечами:

— «Крис, забери меня. Они обсуждают инвестиции и называют кофе американо "американб".»

Я рассмеялась уже громче.

Она улыбнулась и спокойно добавила:

— Мам. Серьёзно. Сходи. Ты никуда не ходишь вообще.

Я хотела сразу отказаться, но почему-то не стала.

И просто написала Ларе:

«Подумаю».

Я всё ещё смотрела на сообщение Лары, когда телефон начал звонить.

— Ответь, — сказала Крис.

Телефон продолжал вибрировать.

— Она не отстанет, — вздохнула Крис.

Нехотя я нажала кнопку ответа и включила громкую связь, в тот же момент в динамике раздался женский голос.

— Жанна? – вопросительно сказала Лара.

Я молчала.

— Ты собираешься сказать нет?

— Лара...

— Нет, подожди. Дай угадаю. Ты устала. У тебя дети. Завтра работа. Ты не хочешь никуда идти. Ты никого не ищешь. Ты вообще прекрасно живёшь.

Я молчала.

Она победно выдохнула:

— Угадала?

— Ты забыла ещё про больную поясницу и желание лечь спать в десять, – изрекла иронично я.

— Ой, прекрати, - фыркнула она.

Я усмехнулась.

Лара продолжила уже спокойнее:

— Жанн. Я не пытаюсь выдать тебя замуж.

— Ты сейчас звучишь подозрительно убедительно, – я с иронией усмехнулась.

Крис засмеялась.

Лара услышала.

— Крис рядом? – спросила она громко.

— Тётя Лара, давите сильнее. Она сопротивляется.

Предатель.

— Спасибо, Крис.

— Мам, ну правда.

Я подняла взгляд.

Крис пожала плечами.

— Ты же даже не хочешь идти не потому, что не хочешь.

А потому что тебе лень собираться.

Ася кивнула.

— Мам, иди, - промурлыкала Ася.

Я посмотрела на неё.

— А Вика?

Ася пожала плечами.

— Я посижу, уроки сделала, вот поужинали. Всё нормально. Ты свободна на этот вечер.

Лара тут же подключилась:

— Видишь? Даже дети за меня.

Я потёрла лоб.

— Лар...

Она вдруг сказала очень спокойно:

— Ты последние годы только работаешь. Просто поешь где-нибудь не дома. Если будет плохо — уедешь.

Я выдохнула.

Посмотрела на детей.

Крис сделала серьёзное лицо:

— Мам, если человек окажется странным — просто скажи фразу «мне надо покормить кота».

— У нас нет кота, - отрезала я.

— Поэтому это будет тревожный сигнал.

Я засмеялась. Покачала головой.

— Ладно.

В трубке сразу раздался победный крик.

— Да!

— Но ненадолго.

— Конечно - конечно. Через три часа ты уже будешь танцевать.

Я отключилась и сразу пожалела о своем решении.

Через десять минут дети стояли в моей комнате.

Ася открыла шкаф.

— Так. Только не чёрный свитер.

Крис села на кровать.

— И не одежда для уборки, пожалуйста.

— У меня нет одежды для уборки.

Они одновременно посмотрели на меня.

Я посмотрела в ответ.

Через пятнадцать минут компромисс был найден.

Джинсы, тёмный топ, кроссовки и пуховик.

Я посмотрела в зеркало.

По мне как обычная, но Крис оценила.

— Вообще-то ты красивая.

Я посмотрела на неё.

— Ну... я просто сказала.

Через несколько минут под окнами посигналила машина,

Лара приехала.

Я взяла сумку и вышла, поцеловав детей и пообещав, что повеселюсь.

Я впервые за долгое время вышла из дома не на работу.

Клуб оказался... простым. Не таким страшным, как я себе представляла.

Музыка негромкая, люди разговаривают, а не только делают вид, что им весело.

Лара уже махала рукой мужчинам за столиком.

Один сразу поднялся, как только мы подошли.

— Сергей.

Он улыбнулся и протянул руку.

Сергей был достаточно высоким и стройным, с мягкой, почти спокойной внешностью, в которой не было резких линий. Лицо, аккуратное, с плавными чертами, без угловатости, которая обычно делает мужчин визуальнo жёстче. Карие глаза, тёплые и внимательные. В них не было навязчивости или оценки, только сосредоточенность и интерес. Каштановые волосы лежали слегка небрежно, будто он не тратил на них ни лишнего времени, ни лишнего внимания. В целом он производил впечатление человека уравновешенного и простого, без попытки казаться кем-то другим.

Второй, Анатолий был крепкого, чуть плотного телосложения, с выраженной физической «собранностью», которая обычно бывает у людей, привыкших много двигаться.

Черты лица более резкие, чем у Сергея: чёткая линия че-

люсти, прямой нос, чуть тяжёлые брови. Взгляд открытый, прямой, без долгих пауз и размышлений скорее быстрый, фиксирующий, чем наблюдающий.

Волосы короткие, тёмные.

Сергей просто спросил:

— Вам удобно здесь?

Я даже немного растерялась.

Потому что обычно спрашивают что-то другое. Я кивнула на его вопрос.

Вечер пошёл неожиданно легко. Разговор сам собой перестал напоминать знакомство и быстро перешёл в обычную человеческую беседу, без попыток произвести впечатление и без натянутых пауз. Я ловила себя на том, что впервые за долгое время не считаю минуты и не думаю о том, как скоро можно будет уйти. Всё происходило проще, чем я ожидала, и от этого становилось даже немного странно.

Через какое-то время Лара всё-таки утащила Анатолия танцевать.

Сначала он для приличия поворчал, что не танцует, но уже через минуту стоял посреди зала и явно чувствовал себя прекрасно. Лара смеялась так громко, что её было слышно даже сквозь музыку.

Сергей пару раз посмотрел на меня.

— Пойдём?

Я сразу покачала головой.

— Нет.

Он чуть улыбнулся.

— Категорично?

— Я не танцую.

— Совсем?

Я пожала плечами.

— Не люблю.

Он не стал уговаривать.

Просто кивнул:

— Хорошо.

И почему-то именно это мне понравилось.

Мы остались за столиком. Разговаривали дальше спокойно, без неловких пауз.

Минут через десять Лара и Анатолий вернулись с танцпола раскрасневшиеся и довольные. Анатолий шумно выдохнул и буквально плюхнулся на стул.

— Всё. Мне двадцать восемь, а чувствую себя на сорок семь.

Лара засмеялась, отпила воды и вдруг совершенно без перехода повернулась к Сергею:

— А вообще Жанна фотографирует.

Я сразу повернулась к ней.

— Лара.

Она уже тянулась за телефоном.

— Нет, покажу.

— Не надо.

Поздно, она листала уже фотографии в галерее телефона.

Я сидела и чувствовала себя так, будто кто-то достал мой личный дневник и начал читать вслух.

Сергей долго смотрел, я уже начинала нервничать.

Потом поднял голову и сказал спокойно:

— Это твои работы?

Я кивнула.

Он ещё раз посмотрел.

— Очень хорошие кадры.

Я сразу отмахнулась.

— Да нет...

Он перебил:

— Нет, серьёзно.

Я замолчала.

Он повернул телефон.

— Вот это особенно сильный кадр.

Я посмотрела и пожала плечами.

Он сказал:

— Нет. Ты просто привыкла смотреть своими глазами и не замечать.

Почему-то именно это меня задело.

Не похвала, а то, что он говорил не из вежливости.

Оказалось, Сергей оператор.

Сначала мы говорили про работу вообще.

Потом про свет.

Потом про кадр.

Потом про то, почему половина людей считает хорошей

фотографией просто дорогую камеру.

Потом вообще ушли в обсуждение фильмов и документалистики.

Когда уже собирались расходиться, он спросил спокойно:

— Можно твой номер?

Я посмотрела на него удивлено и сразу сказала:

— Только честно.

Он улыбнулся.

— Опасно звучит.

Я выдохнула.

— У меня дети. Две работы. Я не очень умею ходить на свидания и отвечаю на сообщения по три часа.

Он кивнул.

— Принято.

Я чуть нахмурилась. Он усмехнулся.

— Жанна, я не предложение делаю. Мне просто понравилось разговаривать.

Я неожиданно улыбнулась.

— Тогда можно.

Мы обменялись телефонами.

И почему-то впервые за долгое время мне показалось, что со мной познакомились не потому, что я кому-то нужна для чего-то, а потому что человеку интересно то, что мне интересно. Мы уже собирались расходиться.

Лара с Анатолием что-то обсуждали у выхода.

Я застёгивала пуховик, когда Сергей вдруг сказал:

— Подожди.

Я обернулась.

Он достал телефон.

— У тебя есть где посмотреть работы? Портфолио? Сайт?

Что-нибудь.

Я сразу напряглась.

— Да. Есть папка. И сайт, но он уже старый. Я туда давно ничего не выкладывала.

Он несколько секунд смотрел на меня, а потом просто сказал:

— Скинешь?

Я чуть нахмурилась.

— Зачем?

Он пожал плечами совершенно спокойно.

— Хочу ещё посмотреть.

Потом добавил:

— И, возможно, покажу одному человеку.

Я сразу подняла голову.

— Не надо.

Он улыбнулся.

— Надо.

Я не ответила.

— Не переживай. Никуда без твоего разрешения ничего не уйдёт. Просто... мне кажется, ты сама не очень понимаешь, что упускаешь.

Я несколько секунд молчала.

Его слова зацепили сильнее, чем должны были. Не из-за него самого а из-за того, куда они неожиданно попали внутри меня.

В памяти всплыло то, что я обычно не трогала. Не потому, что забыла а наоборот, потому что помнила слишком хорошо.

Когда-то моя жизнь выглядела совсем иначе. Работа, которая была не «подработкой» и не обязанностью, а смыслом. Я ездила с командой, неделями жила в дороге, ловила редкие моменты дикой природы, когда всё вокруг существует честнее, чем люди. Камера в руках была продолжением взгляда, а не инструментом заработка.

Мои фотографии публиковались. Меня знали и звали в лучшие журналы.

Я умела смотреть так, что это замечали другие.

А потом всё изменилось.

И в какой-то момент я просто перестала показывать свои работы. Сначала было не до этого. Потом — из-за страха.

Словно вместе с другой жизнью я потеряла право на её возвращение.

Я не стала объяснять это вслух.

Просто молча достала телефон и всё-таки отправила ссылку.

И уже перед выходом, Сергей сказал:

— Мы ещё поговорим про это.

Я ничего не ответила, просто кивнула.

Лара уже стояла у выхода и что-то тихо обсуждала с Анатолием.

— Я поеду отдельно.

Я посмотрела на неё удивленно исподлобья.

Она подняла руки.

— Что? Сергей всё равно едет в твою сторону.

Я хотела отказаться, но усталость за день навалилась неожиданно сильно. И мысль ехать ночью на автобусе вдруг показалась слишком сложной, я согласилась.

Сергей открыл передо мной дверь машины.

— Спасибо.

В машине было тепло и тихо.

Мы ехали спокойно, разговаривали о чём-то простом, снова про фотографии, потом про кино, потом вообще замолчали.

Странно, но это молчание не было неловким.

Когда он остановился возле дома, я расстегнула ремень.

— Спасибо, что подвёз.

Он кивнул.

Я уже взялась за ручку двери.

— Жанна.

Я обернулась он смотрел спокойно и не напряжённо.

Не так, будто чего-то ждёт.

Просто смотрел.

Вдруг чуть улыбнулся, и спросил.

— Можно?

Я не сразу поняла о чём он.

Он не придвинулся, никуда не тянулся, а просто ждал.

И почему-то именно это меня остановило.

Я несколько секунд смотрела на него, и он медленно приблизился ко мне.

Остановился буквально в нескольких сантиметрах. Ещё секунду посмотрел мне в глаза.

И поцеловал.

Не настойчиво и не долго.

Тёплые мягкие губы.

Тихая музыка где-то совсем далеко.

И этот короткий, спокойный поцелуй.

Без спешки...

Глава 4

Глава 4.

Присутствие

Влад

Свет ещё не дошёл до земли — тёмное, вязкое ноябрьское утро медленно собиралось за шторами, будто не решаясь войти в комнату. Я лежал неподвижно, слушая тишину, в которой не было ничего, кроме собственного дыхания. Оно казалось слишком громким для этого времени, слишком реальным для состояния между сном и днём.

Будильник ещё молчал.

Я посмотрел на часы. До подъёма оставалось почти сорок минут.

Обычно я не лежал без дела: если проснулся значит, день уже начался. Но сегодня всё было иначе. Я лежал на спине, глядя в потолок, и пытался понять, что именно меня разбудило и почему я не мог заставить себя встать.

Ничего, ни звонков и ни случайных звуков, за которые можно было бы зацепиться мыслью.

Ни внешней причины такой, которую можно назвать, объяснить, списать на случайность. И от этого тишина становилась не пустой, а плотной, почти ощутимой — как воздух перед грозой, которая никак не решается начаться. Просто внутри поселилось странное ощущение незавершённо-

сти, будто вчерашний день не закончился, а завис где-то на границе памяти, не став ни прошлым, ни настоящим. Обычно такое состояние бывает после вечеринки, когда пытаешься восстановить вчерашний вечер по обрывкам памяти и проверить, не сделал ли ты чего-то, что сегодня придётся стыдливо исправлять или долго объяснять самому себе. Я мысленно прошёлся по вчерашнему дню: проверяя каждую дверь, каждую деталь, пытаюсь найти ту самую незаметную трещину, через которую это чувство могло просочиться внутрь. Работа, разговоры и документы.

Ничего необычного, разве что тот нелепый случай в ванной. Я мысленно улыбнулся, вспомнив её смущённое лицо. Это было даже забавно, она покраснела, увидев меня голым. У меня невольно вырвался смешок, и звук эхом разнёсся по комнате. Но память почему-то цеплялась не за это. На кухне, Жанна говорила спокойно, почти между делом, что подруга куда-то её приглашает.

И её улыбка, короткая, лёгкая, ещё более раздражающая. Потом ещё Алекс. Почему она так легко улыбалась ему? Почему она мне не улыбается? Почему меня это волнует?

Я открыл глаза и посмотрел в потолок. Попытался вытащить себя обратно, но вместо этого снова всплывала кухня.

В голове прозвучал её голос. Обычный разговор, в котором не было ничего важного настолько, что именно он и застрял.

И теперь это «ничего» почему-то занимало всё внутри, не

оставляя места ни для сна.

Будильник прозвенел неожиданно громко.

Я вздрогнул.

Несколько секунд я сидел на кровати, будто сон прошёл мимо, не оставив после себя ни капли отдыха. Я поднялся медленно, как человек, который делает привычное движение. Обычно утро работало иначе. Простая последовательность: тело включалось раньше мыслей, привычки вытесняли всё лишнее, и мир постепенно становился управляемым. Как система, которая всегда запускалась одинаково и без сбоев.

Сегодня этот механизм дал осечку.

Внутри оставалась странная расфокусированность, будто я всё ещё не вышел из какого-то промежуточного состояния не сна и не бодрствования, а в подвешенности между ними.

Я поймал себя на раздражении, ничего не работает как обычно в это утро ни тело, ни мысли. И где-то на фоне этого слабое, навязчивое чувство, что причина не в усталости. Что дело не в ночи, а в чём-то, что осталось внутри и не ушло вместе со сном.

Дом жил своей обычной жизнью.

Я спустился вниз, выпил кофе, почти не чувствуя вкуса и ушёл в зал.

Тренировка должна была собрать мысли, выстроить их в привычный порядок, вернуть контроль и распланировать день, но сегодня она не сработала.

Я закончил раньше обычного, не чувствуя привычного облегчения.

Тело было уставшим, но это была не та усталость, которая приносит ясность. Скорее рассеянность, в которой нет точки опоры.

Перешёл в бассейн. Вода всегда помогала мне отключаться, как будто сам ритм плавания мог выровнять мысли, заглушить их, размыть до фонового шума.

Сегодня всё было иначе. Я вошёл в воду, как обычно, ожидая знакомого эффекта этой короткой паузы внутри головы, когда остаётся только движение, дыхание. Но вместо тишины мысли стали чётче. Как будто вода не забрала их, а, наоборот, усилила.

Каждый гребок не уводил от них, а возвращал обратно. В то же самое место. К одному и тому же ощущению навязчивому, липкому, от которого невозможно оттолкнуться даже физическим усилием. И чем дольше я плыл, тем яснее становилось: это не усталость. Это что-то, что не поддаётся привычным способам отключения.

Потом стоял под душем. Я просто стоял, не двигаясь, позволяя воде идти по плечам и вниз. Мысли не растворялись, не смывались они оставались, упрямо держались на поверхности сознания, как то, что не хочет уходить ни под каким давлением.

Потом я сидел в кабинете. Открыл ноутбук и почти сразу закрыл.

Взял телефон. Прокрутил взглядом и отложил.

Несколько раз ловил себя на том, что просто смотрю в окно, не фиксируя ни одну мысль до конца. К часу дня я окончательно перестал делать вид, что работаю.

И только тогда понял одну неприятную вещь: всё утро я бессознательно отсчитывал время. Просто время как будто ждал чего-то, что должно произойти.

Телефон коротко завибрировал. Сообщение от Нелли.

«Жанна сегодня не придёт, у младшей дочери Вики температура».

Я прочитал сообщение.

Потом ещё раз. Положил телефон экраном вниз. Несколько секунд сидел неподвижно. Странное ощущение, не разочарование. Скорее всего, как будто внутри на мгновение пропал метроном, который всё утро незаметно задавал темп мыслям и действиям. И теперь это стало очевидным. Я всё это время ждал Жанну, не формулируя это прямо, не признавая даже самому себе, но это странное внутреннее напряжение, которое не отпускало и становилось чем-то вроде фона всех мыслей, глухим постоянным тремором моего рассудка, едва заметным, но непрерывным, как вибрация под кожей, от которой невозможно отстраниться.

Я снова взял телефон и позвонил Нелли. Спокойно спросил, что случилось.

После разговора я ещё какое-то время сидел в кабинете собираясь с мыслями. Потом набрал своего врача, описал

симптомы, он перечислил лекарства, я записал.

Я сам себе сказал:

«Нормально, у ребёнка температура. Ничего странного».

И всё же где-то под этим «нормально» оставалось то самое смещённое чувство, не имеющее права на существование, но не исчезающее от логических объяснений.

Через час всё необходимое уже стояло у меня на кухонном острове. Пакет выглядел почти нелепо. Лекарства и фрукты. Какие-то детские сладости, которые я автоматически попросил добавить.

Я несколько секунд смотрел на него, потом взял ключи.

До её дома дорога заняла меньше времени, чем я ожидал.

Я почти не думал пока ехал. Внутри было странное, пустое ускорение: тело двигалось, маршрут складывался сам, решения принимались без участия меня. Как будто кто-то другой уже всё решил. И, возможно, хуже всего было не отсутствие мыслей, а понимание, которое медленно поднималось изнутри: я не просто не думал. Я избегал сейчас думать.

Потому что, если остановиться хотя бы на секунду, пришлось бы признать очевидное.

Зачем я туда еду.

Перед дверью её квартиры я остановился. Посмотрел на пакет, потом на дверь.

Рука поднялась сама, без паузы между решением и действием.

Звонок прозвучал слишком резко для этой тишины.

И только когда за дверью послышались шаги, пришло запоздалое, почти неприятное осознание — простое, как факт, который невозможно обойти: я не подготовил объяснение.

И дело было даже не в словах. Я не подготовил саму причину, которую можно было бы произнести вслух, не выдавая лишнего.

Что я здесь делаю? Почему приехал сам? Почему не отправил Алекса, не ограничился сообщением, не выбрал ни один из безопасных, привычных вариантов?

Ответа просто не было. Только короткое, сухое понимание: я приехал туда, где не должен был оказаться без заранее продуманной версии.

Замок щёлкнул и дверь открылась.

На пороге стояла незнакомая девушка. Тёмные волосы собраны кое-как с недоверчивым взглядом. Она посмотрела сначала на меня, потом на пакет и нахмурилась.

— А вы кто?

Я моргнул несколько раз и растерялся, потому что всё это время почему-то был уверен, что дверь откроет Жанна.

— Я...

И вдруг из глубины квартиры послышались шаги.

Через секунду за плечом девушки появилась Жанна.

В домашней одежде и с уставшем взглядом.

Она сначала посмотрела на меня, потом на пакет и замерла.

— Владислав Андреевич?..

Короткая пауза. А дальше уже совершенно искренне:

— А что вы здесь делаете?

Я чуть поднял пакет.

— Нелли сказала, что у вашей дочери температура.

Жанна продолжала смотреть на меня так, будто ещё не решила, происходит ли это на самом деле или это какая-то ошибка.

Я добавил спокойнее:

— Я сначала хотел отправить Алекса. Но он сегодня занят. Поэтому решил заехать сам.

Вру без остановки, но фраза прозвучала правдоподобно.

И уже в момент, когда я её произнёс, стало ясно: это не объяснение, это чтобы закрыть паузу, но не убрать вопрос.

Краем глаза заметил, как девушка у двери, медленно перевела взгляд с меня на Жанну.

Жанна тоже на секунду посмотрела на неё.

— Крис, иди, пожалуйста, к Вике. Посмотри, как она там.

Девушка ещё раз быстро окинула меня взглядом.

Потом пожала плечами и ушла в квартиру.

Жанна вышла чуть вперёд и теперь стояла уже полностью в дверном проёме.

Скрестила руки на груди и посмотрела сначала на пакет, потом прямо мне в глаза.

Я всё ещё держал его перед собой.

Она чуть приподняла бровь.

— Владислав Андреевич... А вы так ко всем сотрудникам

приезжаете, когда у них дети болеют?

Несколько секунд я смотрел на неё. Потом ответил раньше, чем успел подумать:

— Нет. Обычно у сотрудников хватает совести болеть самостоятельно.

Она моргнула, и я тоже.

И почти сразу понял, что сказал.

Закрыв глаза на секунду, глубоко набрав воздух в легкие, открыл глаза и произнёс.

— Это сейчас была крайне неудачная попытка пошутить.

Жанна неожиданно улыбнулась уголком губ.

Я продолжил.

— Извините.

Поднял пакет чуть выше.

— Возьмите, пожалуйста. Тут лекарства. Я уточнил у врача, что обычно дают детям при таких симптомах.

Она посмотрела на пакет. Потом снова на меня. Несколько секунд молчала.

А потом неожиданно отступила в сторону.

— Владислав Андреевич, проходите.

Я сразу покачал головой.

— Нет, не буду мешать.

— Вы не мешаете.

— У вас ребёнок болеет.

Она чуть улыбнулась, посмотрела спокойно и сказала:

— Я знаю, где вы живёте.

Я не сразу понял, к чему это. А она продолжила:

— Теперь, раз вы уже приехали, я хочу, чтобы вы тоже знали, где живу я.

Я молчал. Она чуть наклонила голову набок и жестом показала внутрь квартиры.

— Проходите спокойно Вика не заразная.

Я посмотрел на неё несколько секунд. Потом на открытую дверь. И только сейчас понял, что совершенно не ожидал оказаться по эту сторону её жизни, но всё равно сделал шаг вперёд.

Я переступил порог и сразу остановился, не специально. Просто в следующую секунду понял, что квартира пахнет не освежителем и не ароматическими свечами. Не дорогим интерьерным парфюмом, а домом. Тёплым воздухом и чем-то сладким. Чем-то неуловимо знакомым, я медленно вдохнул. Точно корица, тесто и масло. На долю секунды память неожиданно подбросила картинку настолько старую, что я даже не сразу понял, откуда она вообще взялась. Бабушка и мне лет восемь, на ее маленькой кухне. Она достаёт противень и ворчит, чтобы я не хватал горячее.

Картинка исчезла так же быстро, как появилась.

Я даже немного удивился. Давно такого не было.

— Давайте пальто.

Я перевёл взгляд на Жанну. Она уже стояла рядом. Я машинально снял пальто и отдал ей. Она повесила его спокойно, как будто я приходил сюда не впервые. Потом посмотре-

ла на меня.

— Пойдёмте на кухню.

И чуть улыбнулась:

— Я как раз булочки с корицей испекла.

Я ничего не ответил, просто пошёл за ней.

Кухня оказалась небольшой.

Ничего общего с моей кухней, которая выглядят идеально и при этом так, будто на ней никогда не готовили. Эта была другой. Гарнитур явно жил здесь давно. Где-то небольшая потёртость, где-то ручка чуть другого оттенка. Но всё выглядело ухоженным. Большой деревянный стол и пять стульев. Массивных, мягких. Я машинально отметил — семья из четырёх человек.

Жанна уже ставила чайник.

— Чай? Кофе?

Я посмотрел на столешницу. Рядом с чайником стояла кофемашина не новая, но хорошая.

Я неожиданно сказал:

— Кофе. Если можно?

Она обернулась и на секунду удивилась.

Потом кивнула.

— Можно.

Пока машина работала, я осмотрелся. Мягкие оттенки и плед на стуле.

Какая-то детская кружка. На стенах — фотографии. Я подошёл ближе. Сначала решил, что семейные, но ошиб-

ся, пейзажи, горы, птицы. Лес после дождя, крупные планы животных. Снято было профессионально. Точно, я вдруг вспомнил. Нелли рассказывала, что до всей этой истории с мужем Жанна занималась фотографией. Не как хобби, а серьёзно, и даже училась. Потом работала по специальности и снимала дикую природу. Была востребованным фотографом. Я сделал ещё шаг, и только потом заметил другие фотографии. Семья с детьми, Жанна и мужчина рядом. Наверное, это был её муж. Чёрные короткие волосы, высокий и крупный. На одной из фотографий тёмная футболка с надписью: «Никто кроме нас». Армейский девиз. Он выглядел... хорошо. На фото он стоял чуть позади Жанны. Я смотрел чуть дольше, чем следовало, и почувствовал внутри что-то странное. Это было не раздражение, не зависть, не злость. Что-то короткое и едва заметное. Как будто внутри возникло очень тихое напряжение. И я понял из-за чего именно.

— Владислав Андреевич?

Я обернулся.

Жанна стояла у кофемашины с двумя кружками в руках и смотрела на меня. Она дала мне чашку, кофе был горячим.

Я сделал глоток и кивнул.

— Фотографии ваши?

Жанна посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— Мои.

— Они... хорошие.

Я не подбирал слово, оно само вышло слишком простым

для того, что я видел на стенах.

— Даже не так. Они отличные.

Она чуть прищурилась, будто проверяя, не ирония ли это.

— Спасибо.

Я перевёл взгляд на стену снова. Одна из фотографий зацепила сильнее остальных. Рассвет, тяжелый почти холодный пейзаж. Лес в тумане и солнце, которое пробивалось сквозь него так, будто не должно было пробиться.

Я чуть наклонил голову.

— Эту я бы повесил у себя.

Жанна подняла брови.

— У вас в доме вообще нет ничего что могло висеть на стене.

— Я знаю, – улыбнулся я.

Я посмотрел на неё, а она подошла ближе.

— Могу отправить вам исходник, делайте с ним что хотите. Мне он уже не нужен.

Я замер на долю секунды.

— Не нужен?

Она пожала плечами так спокойно, будто речь шла о чем-то бытовом.

— Это просто фотография.

Я медленно поставил чашку.

— Просто фотография?

Она кивнула.

— Да.

Я посмотрел на фотографию снова, потом на неё.

— У вас талант!

Сказал я это резко, она не отвела взгляд от меня.

— Второй день подряд мне это говорят.

Я не понял смысл.

— Второй день?

Она чуть наклонила голову.

— Да.

И спокойно добавила:

— Вчера я всё-таки пошла на это двойное свидание. По-знакомилась с молодым человеком. Он тоже это сказал.

Я не сразу ответил.

— Молодой человек?

Она кивнула и потянулась к телефону, который лежал на столе.

Улыбнулась экрану, я заметил это сразу.

Это было хуже всего, потому что меня это задело.

— Это он вам пишет?

Спросил я так, будто уже было известно.

Она подняла взгляд.

И в этот момент я понял, что сказал это не тем тоном.

Жанна чуть приподняла бровь.

— Владислав Андреевич?

Я усмехнулся.

— Просто странно видеть, как вы так радуетесь сообщениям от людей, которых знаете меньше суток.

Я сам услышал, как это звучит глупо.

Жанна не ответила сразу. Смотрела на меня внимательно.

— Вы сейчас... ревнуете? — с улыбкой сказала она.

Я замер. Потом чуть наклонил голову.

— Нет.

Я взял чашку и сделал глоток.

И только после этого я добавил тише:

— Просто вы ведёте себя так, будто это нормально — впускать в свою жизнь незнакомых людей.

Я поставил чашку и сам не понял, зачем это сказал.

Жанна молчала, затем серьезно произнесла:

— Владислав Андреевич, вы приехали ко мне с пакетом лекарств для ребёнка, которого никогда не видели. И сейчас рассказываете мне про «незнакомых людей»?

Я посмотрел на неё. Внутри уже не осталось ни заготовленных объяснений, ни рабочих формулировок только короткий, неприятный провал, в который всё сказанное мной уходило без опоры.

— Вот именно, — сказал я наконец. — Зачем вы меня вообще пригласили? Надо было взять пакет и закрыть дверь.

Голос прозвучал резче, чем я хотел.

Я сделал паузу, но она не заполнилась ничем.

— Вы сами приехали, — спокойно сказала Жанна. — Для чего? И почему вы сейчас на меня наезжаете из-за этого?

Она смотрела прямо.

— Скажите, как есть.

Я отвёл взгляд на фотографию рассвета.

И за весь разговор не нашёл ни одной удобной фразы.

— Не знаю, — сказал я наконец.

И понял, что это не ответ. Это форма капитуляции, к которой я обычно не прибегал.

Жанна не двигалась. Смотрела спокойно, но именно это спокойствие почему-то удерживало сильнее, чем любой вопрос.

— Я не планировал этот визит, — добавил я. — И... не планировал ничего из того, что сейчас происходит.

Слишком честная фраза для меня сегодня.

Жанна чуть наклонила голову.

— Это я уже заметила.

Я коротко выдохнул.

— Я привёз лекарства, потому что это рационально.

Я замолчал, и понял, что говорю уже не то, что думаю, а то, что можно оправдать.

Жанна не перебивала. Я перевёл взгляд на неё.

— Но то, что я приехал сам... — я чуть помедлил. — Это уже не рационально.

Тишина стала заметнее.

— И это мне самому не нравится, — добавил я тише.

Жанна просто смотрела.

— Вы сейчас пытаетесь объяснить поведение, — сказала она спокойно, — или всё-таки его понять?

Я не сразу ответил.

— Я привык объяснять, — сказал я наконец.

— Похоже.

Я снова посмотрел на фотографию.

Рассвет всё ещё висел на стене.

— И мне не нравится, когда я не понимаю, — добавил я.

Жанна чуть прищурилась.

— А вы сейчас не понимаете?

Я не ответил сразу, но в этой задержке уже был ответ.

— Думаю, я понял только, что, — сказал я.

— Тогда просветите, — сказала она.

Я поднял взгляд.

— Я думаю... у меня появились какие-то чувства, которых до этого я никогда не знал.

Слова повисли в воздухе. Я медленно выдохнул и почти сразу понял, что перешёл границу.

— Но обсуждать это сейчас я не буду, — сказал я. — Это... неправильно.

Я посмотрел на чашку, потом на неё.

— Я, пожалуй, пойду. Пока не сказал ещё чего-то, что потом нельзя будет вернуть обратно.

Голос прозвучал спокойно ровно, но внутри уже начал разворачиваться процесс сам по себе.

Я чуть кивнул.

— Спасибо за кофе.

Я сделал шаг к выходу.

И на секунду показалось, что всё действительно можно

закрыть этим жестом: выйти из квартиры и оставить происходящее за спиной, как закрытую главу, к которой больше не придётся возвращаться. Но это ощущение не ушло вместе с движением, оно осталось внутри. Не как мысль, а как след. И то, что она не пыталась меня остановить, не стало облегчением, а наоборот, превратилось в отдельный факт, который я не мог игнорировать.

Прошла неделя.

Сначала я думал, что это просто эпизод. Ситуация, которую можно аккуратно убрать в категорию «необъяснимое, но незначительное». Но оно не убиралось.

Дом оставался прежним тот же порядок, тот же ритм. Работа возвращала привычность, дни снова складывались последовательность.

И всё же что-то сместилось. Сначала почти незаметно. Потом уже настойчивее.

Я начал ловить себя на том, что в доме появляется ощущение, которого раньше не было.

Запах, её запах. Он не был резким и не был навязчивым. Он был живым, легким, тёплым, с едва уловимой цветочной нотой. Он появлялся не всегда — но, когда появлялся, не исчезал сразу. Оставался в воздухе дольше, чем должен был. И каждый раз это было одинаково странно: как будто мир переставал быть полностью моим. Как будто кто-то другой уже занял часть этого мира, не вторгаясь, не разрушая гра-

ниц, а просто постепенно становясь его частью.

Телефон завибрировал и отвлек меня от мыслей.

— Добрый день, Владислав Андреевич. Мы можем встретиться сегодня в шесть, чтобы согласовать оформление?

Подрядчик по новогоднему декору. Каждый год одно и то же. По правилам коттеджного посёлка дома должны были быть украшены еще к ноябрю. У меня по этому поводу в этом году задержка. Я посмотрел на часы, на объекте снова возникли проблемы со сроками. Через сорок минут нужно было быть на строительной площадке.

— Нет времени сегодня, — холодно ответил я.

— Тогда, возможно, кто-то сможет заменить вас?

Я замешкал и почти сразу всплыла Жанна перед глазами.

— Напишу вам о встрече позже.

Я отключился и сразу набрал её.

— Да? — раздался в трубке её голос.

Слишком бодрый для моего дня.

— Сегодня в шесть приедет подрядчик по оформлению дома, — сказал я.

— Простите... по чему?

— Новогодний декор снаружи дома.

Несколько секунд тишины, а потом она тихо фыркнула, почти не скрывая удивления.

— Вы сейчас серьёзно?

— К сожалению.

Я почти видел, как она пытается удержать смех.

— И что нужно делать?

— Просто согласовать оформление.

— А вы?

— У меня объект.

Потом я неожиданно для себя добавил:

— Я доверяю вашему вкусу.

Тишина в трубке изменилась. Будто Жанна не ожидала услышать это именно сейчас.

— Хорошо, — наконец ответила она. — Я разберусь.

Я возвращался домой выжатым, от разговоров, срывов сроков и проблемой с поставкой. День распался на отдельные, плохо склеенные фрагменты, каждый из которых требовал решения, которых у меня не было. И звонок Алекса добил меня окончательно уже возле дома.

— Владислав Андреевич, у нас опять проблема с фундаментом в третьем блоке...

Я остановился у двери, не заходя сразу внутрь.

— Я уже сказал переделать расчёты.

— Подрядчик отказывается брать ответственность.

Я вошёл в дом, продолжая говорить. Голос оставался спокойным и сдержанным.

— Значит, ищите другого подрядчика.

— Возможно, придётся заморозить...

Эта фраза повисла в воздухе, и в тот же момент внутри что-то резко, коротко оборвалось. Не мысль и не эмоция.

Скорее — натянутое внутреннее сооружение, которое держалась весь день и наконец рухнуло.

Я остановился прямо в холле.

— Ты сейчас серьёзно? — голос стал опасно тихим.

— Мы пытаемся решить...

— Пытаетесь?! — резко оборвал я.

Я даже не помнил, в какой момент перестал слушать дальше. Телефон вылетел из руки почти без участия сознания. Резкий бросок в стену. Глухой удар разнёсся по гостиной.

— Блядь! — крикнул я.

Телефон упал на пол и наступила тишина. Та, которая обычно приходит после вспышки, не облегчение, а пустота, в которой ещё гудело раздражение. Я стоял неподвижно, слушая собственное дыхание.

И вдруг...

Я замер.

Что?

Медленно повернул голову.

И в следующую секунду увидел движение. Что-то сгорбленное, маленькое, явно пытающееся остаться незамеченным, осторожно и почти на носочках двигалось вдоль дивана к двери.

В руках — сумка.

Фигура замерла на полушаге.

Я несколько секунд просто смотрел.

Мозг после всего дня предложил сразу несколько версий

происходящего, ни одна не была нормальной.

— Что за нахуй?..

Фигура вздрогнула. Медленно выпрямилась. И только тогда я понял, что это Жанна.

Она стояла посреди моей гостиной с таким выражением лица, будто сама уже понимала, насколько невозможно сейчас выгладит. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых не было ни защиты, ни объяснения только абсолютная, искренняя мысль: «Я совершила ошибку».

Я молчал и несколько секунд просто смотрел. Мысль догоняла медленно.

Какого хрена?

— Я... — она нервно поправила волосы свободной рукой.

— Простите.

— Что вы здесь делаете?

Голос вышел резче, чем я хотел. Она едва заметно вздрогнула. Посмотрела на сумку. Потом снова на меня.

— Встреча задержалась... потом я уже собралась уходить, но забыла сумку.

Она показала рукой куда-то назад.

— Я вернулась... а тут вы приехали.

Я медленно перевёл взгляд на сумку. Потом обратно на неё. Потом ещё раз на траекторию, по которой она буквально пыталась красться вдоль стены к выходу. Абсурдность ситуации наложилась слоями. Проблемы со стройкой и разбитый телефон. Теперь она, пытающаяся незаметно сбежать из мо-

его дома.

— И вместо того, чтобы выйти... вы решили тихо уползти к двери?

Жанна поморщилась. Подумала и сказала:

— Когда вы зашли... у вас был такой вид, будто любое движение рядом может стать последней ошибкой в жизни.

Я моргнул. Она быстро добавила:

— Не в буквальном смысле. – протараторила она. — И... потом вы начали очень громко разговаривать.

— Поэтому вы спрятались?

Она опустила взгляд.

— Ну... - она продолжила. — Я немного испугалась.

Несколько секунд я просто смотрел на неё. И в какой-то момент напряжение, которое держало меня весь день, дало слабую трещину. Короткий выдох и почти смешок. Я провёл рукой по лицу.

— Жанна...

Она сразу подняла взгляд.

— Да?

Я устало покачал головой.

— Я просил вас стать невидимой?

Она осторожно кивнула и посмотрела виноватым взглядом на меня. И очень серьёзно ответила:

— Я честно старалась.

Она собралась уходить, у двери надела куртку, взялась за ручку, обернулась и проговорила.

— Владислав Андреевич?

— Да?

Она посмотрела как-то иначе. Не как обычно.

— Вы сегодня выглядите уставшим.

Она чуть улыбнулась и ушла.

Дверь закрылась, и я ещё несколько секунд стоял в прихожей. Прислушиваясь к тому, как стихли шаги за дверью. И вдруг понял одну простую вещь. Это больше не похоже ни на интерес, ни на случайность, ни на временный сбой. Не на желание отвлечься, ни на одиночество и не на любопытство. Я слишком долго пытался объяснить это чем угодно, кроме очевидного. Её отсутствие меняло мой день. Её присутствие меняло меня. Я ждал её, не признавая этого. Приезжал туда, куда не должен был ехать. Раздражался не там, где была причина. Я медленно выдохнул. И впервые я перестал спорить с собой. Мои чувства к Жанне были реальными и настоящими. До этого момента у меня оставалась иллюзия, что это можно исправить логикой. Проигнорировать и переждать. Вернуть всё обратно. Теперь уже нет, и я не знаю, что делать дальше. Я закрыл глаза и усмехнулся. Потому что, кажется, я столкнулся с задачей, которую нельзя было решить ни деньгами, ни правильным планом действий.

И это мне нравилось.

Глава 5

Глава 5

За кадром.

Жанна.

Сергей вошёл в мою жизнь неожиданно легко. Постоянные переписки на самые разные темы, смешные видео, картинки и, конечно, разговоры об искусстве. Мне нравилось с ним общаться, он был весёлым, доброжелательным и открытым. И внешне вполне соответствовал моему вкусу. Всё складывалось так, что, возможно, со временем я смогла бы открыться ему как женщина. И тот поцелуй был действительно хорошим. Но после него мы больше не целовались — просто прощались тёплыми словами. Думаю, я всё ещё не готова переходить на следующий уровень наших отношений. Но иногда внутри что-то появлялось, какое-то лёгкое возбуждение, и мне хотелось его поцелуя вновь.

Сегодня он пригласил меня в интересное место — посмотреть ретро-кино в кинотеатре, сохранившемся ещё с советских времён. Во время просмотра мы немного касались друг друга коленями. А потом он взял мою руку и больше не отпускал. И это оказалось неожиданно приятно. На кончиках пальцев было лёгкое покалывание, едва заметное, но от этого ещё более волнующее. Я поймала себя на мысли, что

мне нравилось ощущать его руку в своей. И, кажется, за долгое время мне захотелось стать к нему ещё немного ближе.

Вечер подходил к концу, и он повёз меня домой. В машине мы ещё какое-то время обсуждали фильм, пока Сергей вдруг не заговорил серьёзнее обычного.

— Жанна, я хочу заранее извиниться, но я кое-что сделал.

— И что же? — с усмешкой спросила я.

В голове тут же промелькнули несколько не самых однозначных вариантов.

— Помнишь, ты скидывала мне ссылку на свои работы?

— Да, помню.

Он ненадолго замолчал, а потом продолжил:

— Я показал их своему знакомому редактору.

— О... Боже, Сергей, не стоило этого делать, — взволнованно сказала я.

Внутри мгновенно поднялся знакомый, спутанный клубок тревоги.

— Подожди. Оказывается, вы знаете друг друга. Это Филимонов Пётр.

Я облегчённо выдохнула.

— О, конечно. Он мой бывший работодатель. И как он?

— С ним всё в порядке. Только, кажется, он совсем не ожидал услышать о тебе среди моих знакомых.

Я улыбнулась, а в памяти всплыли последние дни перед моим уходом и его попытки уговорить меня остаться.

— С ним мне нравилось работать, он многое для меня

сделал. Когда я уходила, он долго уговаривал меня остаться, а я ушла, потому что... Да если честно, я уже не знаю, почему ушла. Раньше мне казалось, что я просто выгорела.

— А сейчас? — перебил мои мысли Сергей.

Я посмотрела в окно и вдруг почувствовала странное облегчение.

— А сейчас... Сейчас мне кажется, что я просто хотела закрыть ту главу своей жизни. И больше её не открывать.

— Ты говорила, как тяжело переживала утрату мужа.

Я ненадолго замолчала.

— Я будто потеряла себя. В какой-то момент я больше не могла смотреть на то, на что раньше смотрела с удовольствием. И не хотела получать радость от того, что когда-то любила.

Я отвернулась к окну.

— Сейчас я иногда думаю... что это было моим наказанием. За то, что я вообще могла продолжать жить той жизнью без него.

Я коротко усмехнулась, но без веселья.

— А я не хотела продолжать. Мне хотелось только одного — понять, каково это: умереть внутри и всё равно каждое утро просыпаться.

— Я очень тебе сопереживаю. Я понимаю, как это — потерять близкого человека. Ты молодец, что выкарабкалась из этого болота.

— Спасибо. Я иногда забываю, что это вроде бы кажется

простой вещью — собраться. Но потом вспоминаю, каково это было — собирать себя по кусочкам. — В глазах почувствовались слёзы, но я сглотнула и вернула комок горечи обратно внутрь. — Ты тоже справился со многим в жизни. И твоя потеря была глубокой. Потерять сестру-близняшку — это тяжело. Вы ведь одна плоть и кровь.

— Да... это как будто руку оторвали.

— Воспоминания — это самое ужасное и в то же время самое прекрасное, чем обладает человек.

Безусловно, горечь о прожитых прекрасных днях с мужем накатывала на меня волной иногда, и, чтобы справиться с этим, я моментально переключалась на самые тёплые воспоминания — на наши совместные дни, когда существовали только мы с ним. И со временем я начала понимать, что тогда была молодой и неопытной. А сейчас я прожила уже достаточно без него и могу прожить столько же дальше, не возвращаясь в ту пучину, в которую меня затянуло после его смерти. Время не лечит. Оно даёт возможность проанализировать и собраться заново.

Я посмотрела на Сергея внимательнее и увидела в его лице осколки скорби. В те моменты он выглядел особенно ранимым, когда начинал вспоминать свою сестру. Что именно с ней случилось, он мне не рассказывал. Я знала лишь, что она была жестоко убита каким-то человеком, который сейчас спокойно живёт на свободе, будто ничего не произошло. И когда он говорил об этом, я видела в нём такую ярость и

такую боль, что казалось — дай ему волю, и он бы голыми руками разорвал этого ублюдка.

Мы почти подъехали к дому, как он продолжил:

— Слушай, Жанна, ты так и не хочешь вернуться в профессию?

— Я даже не то, чтобы не хочу... я не могу. Почти шесть лет я не брала в руки фотоаппарат. Моя насмотренность сейчас равна нулю. Я не та, что раньше. Сейчас я не могу называть себя профессионалом.

— Возможно. Но, может, ты просто утрируешь? Ты же даже не пробовала. У тебя есть фотоаппарат?

— Есть, но он, скорее всего, уже не работает. «Где-то в шкафу на дальней полке пылится», — протянула я.

— Это не важно. Я дам тебе свой. У меня есть. Модель не новая, но профессиональная. Короче, я думаю, тебе стоит попробовать. Проверить, сможешь ли ты снова начать фотографировать.

— Нет, Серге...

Он перебил меня, слегка повысив голос:

— Подожди. Ты не понимаешь. Это нужно для полного исцеления. Я не говорю тебе о возвращении. Я хочу, чтобы ты поняла: ушла ли ты из-за выгорания или потому, что хотела поставить точку в этой главе жизни.

— Ну... идея неплохая. Думаю, мой психолог дал бы добро на это, — я погладила свои руки и скрестила их перед собой.

— Ну так что, заметано? — улыбнулся он.

— Заметано.

Машина остановилась. Сергей протянул мне руку, чтобы закрепить наш «договор» рукопожатием. Я аккуратно подаю ему ладонь, он мягко сжал её, а затем поднёс тыльную сторону моей руки к губам и поцеловал. Щёки у меня вспыхнули моментально. Это было мило и одновременно слишком сильно меня зацепило то, с каким спокойным и покорным видом это сделал.

Он вышел из машины, обошёл её и открыл мне дверь, протянув руку. Я вышла и немного споткнулась, попав ногой в ямку, и буквально упала ему на грудь, щекой прижавшись к его телу. Я осторожно подняла голову и посмотрела на него снизу вверх. Я думала, это был бы идеальный неловкий момент для нашего второго поцелуя. Но Сергей явно думал о другом.

— Жанна, ты в порядке? — он медленно поставил меня на ноги и отступил на шаг.

— Ого... если бы не твоя широкая грудь, я бы убилась, — весело ответила я. — Спасибо.

Тут уже стало ясно, что мы прощаемся без какой-либо близости.

— Я постараюсь всегда успевать тебя ловить, — тихо произнёс он. — Завтра я пришлю курьера с фотоаппаратом утром. Начни фотографировать. Я не настаиваю, чтобы ты показывала мне кадры, но я бы очень этого хотел.

— Хорошо. Спасибо ещё раз. Спасибо за прекрасный вечер. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Жанна.

Он отошёл в сторону, пропуская меня вперёд. Я прошла мимо, слегка подмигнув ему.

И в этот момент он резко сказал:

— К чёрту.

Он схватил меня за руку, развернул к себе и жадно поцеловал. Это уже был не лёгкий и спокойный поцелуй. Он был глубоким, жарким, с требованием ответа. Я не сопротивлялась. Давно я не чувствовала такого возбуждения, такой искры, которая вспыхнула мгновенно, когда он провёл рукой по моим волосам, а другой прижал меня к себе за талию так крепко, что я почти физически почувствовала очертания чего-то. Поцелуй длился недолго, но оставил в моём теле вспыхнувшее возбуждение. Когда его губы отстранились от моих, я смогла наконец вдохнуть. Моё тело откликнулось на этот поцелуй, и я прижалась к нему — к телу, которое излучало жар.

— Так... а что ты там говорил?

— А, забудь. Всё это время я думал, что ты не готова, но сейчас вижу, что, возможно, ты хочешь продолжить общение в таком духе, — Сергей улыбнулся хитрой улыбкой, глядя на меня.

— Возможно, — ответила я с лёгкой улыбкой.

— Если ты не готова, я готов ждать, — серьёзно сказал

Сергей, удерживая мои руки и чуть отстранив меня от себя, чтобы посмотреть прямо в глаза.

Я немного испугалась. Не его, скорее того, насколько мне самой понравилось происходящее.

— Я не знаю... Возможно, мы и правда торопимся. Но сейчас мне понравился наш поцелуй.

Он улыбнулся чуть мягче.

— Понравился?

С этими словами он снова осторожно притянул меня к себе и, едва касаясь губами моих, тихо произнёс:

— Мне тоже.

И нежно поцеловал меня ещё раз.

— Ну всё, тебе пора, — тихо сказал он. — Потому что, если ты останешься ещё немного, мне будет всё сложнее тебя отпустить.

Он поцеловал меня в лоб и отступил на шаг.

Когда я вернулась домой, квартира встретила меня сонной тишиной. Дети уже спали. После жара его рук и поцелуя эта тишина ощущалась почти оглушающей, и я боялась нарушить её даже собственными шагами. В голове снова и снова вспыхивали обрывки нашего поцелуя — такого неожиданно глубокого, тёплого и нежного одновременно. Я осторожно коснулась губ кончиком пальца, вспоминая ощущение его прикосновения, будто оно всё ещё оставалось со мной. Сергей прочно поселился в моих мыслях и, кажется, уходить от туда уже не собирался. И я поняла, что мне этого больше

и не хотелось. Я улыбнулась этой мысли и пошла в ванную. Завтра обязательно будет удивительный день.

Утром, перед выходом на работу, мне доставили посылку. Времени открывать её не было, поэтому я взяла её с собой. Я знала, что Влада сегодня не будет — меня заранее предупредила Нелли — и решила открыть посылку уже в доме и посмотреть, какой фотоаппарат передал мне Сергей. А потом, если получится, сделать пару кадров. Благо на территории дома был небольшой палисадник с красивым заснеженным дубом. Я решила начать с этого.

Приехав, я сразу занялась уборкой, оставив распаковку фотоаппарата на потом. День был снежным, и в воздухе уже чувствовалось предновогоднее настроение. Дом всё-таки успели украсить к нужному сроку, и внешне всё выглядело именно так, как и должно было выглядеть перед праздниками. Но внутри было как-то совсем не празднично. Влад отказался заниматься украшениями. Я писала ему и предлагала заказать ёлку, но он ответил, что его это особо не волнует.

Закончив протирать мебель, я прошла в комнату, где лежали мои вещи. Я приняла душ — за день успела сильно вспотеть. В доме сегодня было на удивление жарко. То ли сломался датчик температуры, то ли Влад так замёрз, что включил его на полную. В голове сразу всплыли воспоминания о его приходе ко мне и нашем разговоре.

Конечно, я прекрасно поняла, о чём Влад тогда говорил.

Но мне хотелось держаться от него на расстоянии. Я замечала, как он смотрел на меня в последнее время: в его взгляде появился какой-то странный интерес. Влад из тех людей, которые будто постоянно ведут внутреннюю борьбу. Борются со своими чувствами, желаниями, решениями. И я не хочу становиться частью этой борьбы. Психолог говорил, что мне стоит избегать тех, в ком слишком много внутренней драмы и слишком мало спокойствия. А вот с Сергеем всё иначе. Рядом с ним я не чувствовала этого напряжения, этой тяжести, которая будто возникала вокруг Влада каждый раз, когда он смотрел на меня. С Сергеем всё казалось проще.

Я высушила волосы феном и приступила к распаковке коробки.

Фотоаппарат — Canon EOS 5D Mark II. Нестареющая, можно сказать, классика. На корпусе были заметны потёртости, но почему-то они вызывали только больше уважения. Было видно — им работали. Я быстро настроила камеру и, накинув куртку, вышла на улицу. Обошла дом и направилась к дубу в небольшом палисаднике.

Остановилась и начала искать ракурс. Смотрела на дерево, обходила его кругом, привычно выстраивая кадр ещё до того, как подняла камеру. Когда наконец нашла то, что хотела снять, прицелилась и нажала на кнопку спуска, но ничего не произошло. Я нахмурилась, и секундное разочарование промелькнуло в голове. Собравшись, я внимательно проверила настройки. Всё было в порядке, автофокус работал, ка-

мера реагировала. Значит, проблема была в кнопке. Я нажала ещё несколько раз и поняла: спуск срабатывал через раз. Ну ничего, и не с таким работали.

Я быстро поймала нужное усилие и сделала несколько кадров. Руки помнили, и голова тоже. Такие вещи не забываются. После шести лет перерыва тело всё равно помнит это ощущение — ежедневное нажатие на спуск, повторявшееся почти пятнадцать лет подряд. Навык никуда не исчез. Он просто ждал, когда я снова возьму камеру в руки.

Я так увлеклась, что не заметила, как кто-то подошёл ко мне сзади.

Продолжая снимать, я сделала шаг назад и наткнулась на что-то твёрдое. Резко отшатнувшись вперёд, я обернулась. Передо мной стоял Влад. Его глаза смотрели на меня и были чем-то совершенно необъяснимым. Тёмные, почти как омут. Густые ресницы, чёрные брови и эта вечная межбровная складка делали его лицо серьёзным, почти суровым. Сейчас он смотрел на меня иначе. Во взгляде было что-то другое, чему я не могла дать названия. Потому что Влад оставался закрытой книгой. И он явно не хотел, чтобы кто-то когда-нибудь её открыл.

Он был одет во всё чёрное и резко контрастировал с окружающим миром. Вокруг всё было белым от снега, и снег ложился на его плечи и волосы крупными хлопьями сразу же таял.

Я на несколько секунд забылась, рассматривая его, и слу-

чайно нажала на спуск фотоаппарата. Раздался характерный звук, и Влад посмотрел на камеру. Я опустила взгляд на камеру, а затем снова подняла его на Влада.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, не отводя взгляда от моего лица.

— Владислав Андреевич, давно вы здесь стоите? — прошептала я.

Влад посмотрел на меня, вопросительно приподняв одну бровь.

— Достаточно, чтобы увидеть, что у вас посинели руки от холода. И что губы начали трескаться.

Влад сделал несколько шагов ко мне, и, между нами, почти не осталось места. Я поймала себя на мысли, что он был действительно... красив. Тут же попыталась отстраниться от этой мысли, вернув себе нейтральность. Я отвела взгляд на секунду, пытаясь собраться, и сделала шаг назад, всё ещё держа камеру в руках.

— Вам стоит пройти в дом, — продолжил он.

Я на мгновение растерялась. И только после его слов почувствовала холод. Реальный. До этого он будто не существовал — я слишком была внутри процесса.

Я посмотрела на свои пальцы — они действительно были странного оттенка. Провела языком по губам и сразу почувствовала сухие трещинки и неприятное покалывание.

— Точно... — тихо сказала я. — Я совсем не заметила.

Он не ответил сразу, лишь чуть сместил взгляд.

— Вы фотографируете, — произнёс он наконец.

Я кивнула и чуть приподняла камеру:

— Да.

Он посмотрел на фотоаппарат. Я коротко выдохнула и попыталась объяснить проще:

— Мне друг... — я на секунду запнулась, — сказал, что нужно начинать с малого.

Я повела рукой в сторону дерева, снега, воздуха вокруг.

— Он подарил мне фотоаппарат. Ну, точнее, временно дал.

Влад нахмурился.

— Ваш друг? — повторил он.

— Да.

— И что? Это хороший фотоаппарат? — он снова посмотрел на камеру.

Межбровная складка на его лице стала глубже.

— Да. Хороший, но старый.

Я чуть поправила ремень камеры на плече.

— У меня когда-то был похожий. В начале я как раз с таким работала. Потом, конечно, появились новые модели, более точные...

Я пожалала плечами.

— Но дело не в этом. У него кнопка спуска иногда залипает.

Влад слушал молча.

— Ваш друг не мог подарить вам новый фотоаппарат?

На слове «друг» что-то едва заметно изменилось — не акцент, а сухая фиксация.

Я на секунду замолчала.

— Зачем мне новый? Я просто хочу... снова начать снимать.

Я посмотрела на него чуть внимательнее.

— Это же не должно быть сразу серьёзно.

Влад неожиданно снял пальто и накинул его мне на плечи. Тепло накрыло почти мгновенно.

— Владислав Андреевич... зачем вы... — начала я сбивчиво.

— Пойдёмте в дом, — перебил он спокойным тоном.

Я заморгала и почему-то послушалась.

Мы вошли внутрь, и тепло дома ударило по коже болезненно резко. Я сразу поняла, насколько сильно замёрзла.

— Боже... — тихо сказала я. — Я даже не чувствовала, насколько.

Влад не ответил. Он просто закрыл дверь, взял фотоаппарат и аккуратно поставил его на придверный комод. Затем подошёл ко мне, снял с меня своё пальто и мою куртку и повесил их. Я не успела отступить как он взял мои руки в свои. Его ладони были тёплыми, я вздрогнула. Он слегка наклонился и начал медленно растирать мои пальцы между своими ладонями.

— В горячую воду сейчас нельзя, — сказал он. — Нужно согреть постепенно.

Он поднял взгляд:

— Вы не против?

— Нет... не против, — выдохнула я.

Он молча продолжил, сосредоточенно разогревая мои руки. Его взгляд не отрывался от моих пальцев, а затем поднялся на меня. Я пыталась не встречаться с ним глазами.

— Всё, я согрелась, — резко сказала я и выдернула руки.

Влад попытался их удержать, но отпустил.

— Пойдёмте, — сказал он. — Я налью вам чай.

Мы прошли в холл. Я села на диван. Он накрыл меня пледом и ушёл на кухню.

Через несколько минут он вернулся с чашкой. Я сделала глоток и тут же поморщилась — слишком горячо.

— Осторожно, — спокойно сказал он.

Я подняла взгляд, он стоял прямо надо мной. И смотрел, не отводя глаз. Я сделала вид, что сосредоточена на чашке, хотя дело вовсе не в ней, а в том, что он просто стоял и смотрел. Меня накрыли воспоминания, первый раз, когда я его увидела. Мир тогда не стал другим, он просто замедлился. Люди, звуки, движение — всё осталось, но как будто ушло на второй план, потеряло резкость и скорость. И среди этого — он. Слишком выделяемый из общего фона. Тогда я поймала это ощущение — короткое. Он заставляет внутри что-то дёргаться. Я моргнула, пытаюсь вернуть себя в настоящее.

Влад развернулся и вышел из комнаты, не сказав ни слова. Я осталась сидеть, сжимая чашку. Прошло несколько минут.

Он вошёл обратно. В руках у него были женские тапочки. Я на секунду просто посмотрела на них, не сразу понимая, откуда они здесь вообще могли взяться. Он подошёл ближе и остановился передо мной. И прежде, чем я успела что-то сказать, он опустил на колени. Я замерла.

Влад взял мою правую ногу осторожно, и надел тапочек медленно. Он на мгновение поднял взгляд, и посмотрел мне в глаза. Я не отвела взгляд. Затем он сделал то же самое со второй ногой. Теперь он смотрел иначе: сначала на движение своих рук, потом на тапочки, и только после — снова на меня. Это было... неправильная ситуация. Слишком интимная, для нас. Я чувствовала, как внутри одновременно поднимаются противоположные импульсы. Сбежать или остаться? Но сильнее всего меня выбивало другое. Он стоял передо мной на коленях. Его лицо расслабилось, межбровная складка исчезла. Странная форма мягкости, которую он, казалось, сам не до конца осознавал. Покорности. Я поймала себя на мысли, которую не успела додумать до конца, и чтобы не продолжать я чуть дёрнула ногами, словно пытаюсь вернуть себе ощущение дистанции.

—Спасибо, — сказала я быстрее, чем планировала.

Влад сразу отстранился. Не только телом, но и выражением лица. Он как будто быстро собрался и его глаза стали привычно спокойными.

Я попыталась подняться, но ноги неожиданно подвели. Голова на секунду стала лёгкой, и я качнулась вперёд. Влад

мгновенно оказался рядом, придержал меня за плечи и вернул обратно на диван.

— Не спешите, — сказал он тихо.

— После холода так бывает. И сразу отступил так быстро, будто хотел показать, что это была не забота, а просто реакция.

— Я хотела сходить за фотоаппаратом, посмотреть, что там получилось. — Сказала я. Влад ничего не ответил. Только сразу вышел из комнаты. Через полминуты вернулся. В руках у него был фотоаппарат. Он подошёл ближе, протянул его мне.

Я поставила чашку на столик и взяла фотоаппарат с его рук. Включила его в режим просмотра и замерла на последнем снимке.

Там был он. Вид снизу вверх, чёрное пальто, снежинки и взгляд прямо на меня. Кадр получился хорошим. Я задержала взгляд, а потом быстро выключила фотоаппарат и положила его экраном вниз.

— И что там? — спросил он.

— Ничего.

— Не может быть. Вы там час фотографировали.

Он сделал шаг ближе.

— Я бы не хотела показывать.

Он сложил руки.

— Что за детский сад.

Он сложил руки на груди. Ткань футболки чуть натяну-

лась на предплечьях, и я почему-то задержала взгляд на секунду дольше, чем следовало. Подняла глаза выше, а он уже смотрел на меня с едва заметной улыбкой. Наверное, понял.

— Детский сад, говорите? — тихо сказала я.

Он не ответил. Потом вдруг спросил:

— Только мне не готовы показывать? Или вообще никому?

Его лицо изменилось.

— О чём это вы? — спросила я, не отводя взгляда.

Он посмотрел на фотоаппарат.

— Своему другу покажете?

Я замерла.

— Не знаю...

Он помолчал секунду, потом посмотрел прямо на меня и спокойно сказал:

— Возможно, я заинтересованное лицо.

Я почувствовала, как вспыхнули щёки. Что значит «заинтересованное лицо»? О чём он?

Влад продолжил:

— Вы же у меня фотографировали.

Я вопросительно посмотрела на него. Он слегка кивнул в сторону окна.

— Это мой палисадник. Считайте, я заказчик. И, думаю, имею право первым увидеть результат.

— А...? — тихо спросила я.

Влад посмотрел на меня внимательнее. Я отвела взгляд, а

он чуть склонил голову.

— Ну?

И протянул руку ладонью вверх. Несколько раз медленно согнул пальцы, будто приглашая отдать фотоаппарат.

Я крепче прижала фотоаппарат к себе. Он посмотрел сначала на мои руки, потом поднял взгляд на лицо.

— Всё настолько плохо?

Я быстро покачала головой.

— Нет.

— Тогда показывайте.

Я выпрямила спину и постаралась придать лицу максимально серьёзное выражение. Я уже упустила момент, когда могла просто спокойно показать фотографии, не вызывая лишних вопросов.

— Нет, — повторила я.

Влад чуть наклонил голову.

— Жанна, вы меня расстраиваете.

Я усмехнулась.

— Не знала, что вас так легко расстроить.

Он выдержал паузу.

— Хорошо. Если вы настолько упрямая — поставьте свои условия. Я выполню.

Я покачала головой.

— Это того не стоит, Владислав Андреевич.

Он чуть приподнял бровь.

— А мне кажется — стоит.

Я закатила глаза.

— Да это уже какой-то бред. Хватит.

Я попыталась подняться. Влад сделал шаг ближе, не касаясь меня, просто остановившись перед диваном, и этого оказалось достаточно. Не потому, что он не давал пройти, а потому что, если бы я встала, между нами осталось бы слишком мало места.

Он спокойно посмотрел на меня сверху вниз.

— Так и знал, что торговаться вы не умеете. Решайтесь, это редкая возможность.

— Да уж... Владислав Андреевич, может, мы разойдёмся без вот этого всего? — я неопределённо повела рукой в его сторону.

Он слегка сощурился.

— Я жду, — тихо произнёс он.

— Нет, — твёрдо сказала я.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Да что вы так упираетесь? Вы только подогреваете интерес.

Я замолчала. И вправду, что со мной происходит? Для чего я вообще всё это устроила?

Я тихо выдохнула.

Ладно. Пора капитулировать.

— Держите.

Я протянула ему фотоаппарат и отвернулась в сторону окна. Влад взял его спокойно, включил и начал смотреть, а я

начала смотрела на него. Его лицо почти сразу изменилось, взгляд стал внимательнее.

— Ну? — спросила я чуть тише, чем хотела. — Что скажете?

Он поднял взгляд и неожиданно сказал:

— Это самая удачная фотография меня за всю жизнь.

Я моргнула и усмехнулась:

— Серьёзно? У вас настолько были плохие фотографии?

Он даже не улыбнулся, снова посмотрел на экран.

— Серьёзно.

Поднял глаза:

— Вы талант.

Я сразу отвела взгляд.

— Да бросьте. Это случайный кадр. Он получился совершенно внезапно. Я вообще не собиралась вас фотографировать.

Он слегка качнул головой.

— Возможно, кадр случайный.

Я подняла взгляд на него, он сделал шаг назад.

— Сделка есть сделка. Ваши условия.

Я уже хотела сказать: «Мне ничего не нужно», но вдруг поняла, что это неправда. Потому что внутри уже какое-то время жило одно странное ощущение. Рядом с Владом во мне будто постоянно что-то включалось. Какой-то внутренний импульс, мне хотелось сделать шаг и посмотреть, что произойдёт.

— Хорошо, — сказала я медленно. — Я кое-что попрошу вас сделать. И если вы согласитесь... мы не будем это обсуждать в дальнейшем.

— Хорошо.

Он согласился слишком быстро, даже не задумался.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Вы готовы?

— Да, — спокойно ответил Влад.

Он сделал шаг назад, положил фотоаппарат на столик.

Я сказала твёрдо.

— На колени.

После этих слов что-то изменилось. Его лицо осталось спокойным. Только взгляд стал другим. Влад, не отводя взгляда смотрел на меня сверху вниз и медленно начал стягивать с себя кофту. Я не успела даже понять, зачем он это делает, как он уже опустился на колени. Отбросив в сторону кофту он оставался стоять на коленях почти на одном уровне со мной. Слишком близко по ощущению, даже если между нами оставалось расстояние. Я, не думая, резко поднялась с дивана, скинула плед и встала. И поняла, что теперь я смотрю на него сверху вниз. И это было...